

•
ГАБРИЭЛЬ
ГАРСИА МАРКЕС

УВИДИМСЯ
В АВГУСТЕ

•

NEOCLASSIC
ПРОЗА

Annotation

Стройная красивая брюнетка снимает номер в захудалой островной гостинице с видом на томную голубую лагуну. Днем она посещает могилу матери на вершине холма, а ближе к ночи развлекается в гостиничном баре под звуки сальсы и болеро. Она давно и счастливо замужем, но каждый год в один из дней августа переправляется на пароме на далекий остров, чтобы провести жаркую ночь со случайным любовником.

Головокружительный, радостно-чувственный роман «Увидимся в августе» — неожиданный подарок от одного из величайших писателей, которых когда-либо знал мир.

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)
 - [Вступительное слово](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [От издателя](#)
 - [Приложение](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Габриэль Гарсиа Маркес
Увидимся в августе

NEOCLASSIC
ΠΡΟΖΑ

•
ГАБРИЭЛЬ
ГАРСИА МАРКЕС

УВИДИМСЯ
В АВГУСТЕ

Издательство АСТ
Москва

Вступительное слово

В последние годы жизни наш отец страдал потерей памяти, и это, как можно себе представить, стало тяжелым испытанием для всех нас. Что касается его самого, то больше всего его приводила в отчаяние утрата прежде неизменной работоспособности, невозможность писать. Однажды он ясно и емко — все-таки он оставался великим писателем — сказал нам: «Память— мой рабочий материал и мой рабочий инструмент. Без нее ничего не получится».

«Увидимся в августе» — плод его последних попыток творить вопреки всему. Процесс представлял собой метания истинного художника-перфекциониста, чьи умственные способности постепенно угасают. Историю многочисленных версий текста подробно (и гораздо лучше, чем получилось бы у нас самих) описал наш друг Кристоаль Пера в комментариях к настоящему изданию. Нам же был известен только окончательный вердикт самого Габо: «Эта книга никуда не годится. Ее нужно уничтожить».

Мы не уничтожили, а отложили — в надежде, что время подскажет, как поступить. И, прочтя книгу десять лет спустя после смерти отца, обнаружили в ней множество притягательных достоинств. Да, она не такая отточенная, как его большие романы. Там есть обо что споткнуться, есть мелкие нестыковки, но нет ничего, что помешало бы читателю насладиться любимыми чертами прозы Габо: неудержимой фантазией, поэтичностью языка, увлекательностью повествования, глубоким пониманием человеческой природы и сочувствием к переживаниям и злключениям человека — особенно в любви. Любовь — возможно, главная тема всего его творчества.

Итак, мы прочли книгу, она показалась нам лучше, чем десять лет назад, и тогда мы подумали: а что если болезнь Габо, не позволившая ему завершить текст, не позволила ему и понять, насколько этот текст хорош, несмотря на отдельные несовершенства? Мы совершили предательство: поставили на первое место удовольствие будущих читателей и пренебрегли прочими соображениями. Если читатели оценят книгу, Габо, возможно, нас простит. Мы на это надеемся.

Родриго и Гонсало Гарсиа Барча

Она вернулась на остров в пятницу, шестнадцатого августа, на трехчасовом пароме. Одета она была в джинсы, рубашку в шотландскую клетку, простые туфли на низком каблучке на босу ногу, в руках держала атласный зонтик и сумочку, а большая пляжная сумка составляла единственный багаж. Из всех такси на пристани сразу выбрала старую, изъеденную морской солью машину. Водитель поздоровался с ней, как со старой знакомой, и повез по ухабам через нищее селение, где стены домов были выстроены из смеси глины и тростника, кровлями служили пальмовые листья, а улицы, покрытые горячим песком, выходили к раскаленному морю. Ему пришлось проявить чудеса ловкости, огибая невозмутимых свиней и голых ребятишек, которые норовили кинуться под колеса, как тореро кидается к быку на корриде. У окраины селения он вывернул на проспект, окаймленный королевскими пальмами, покатил вдоль пляжей и отелей, между открытым морем и лагуной, по которой бродили голубые цапли, и наконец остановился у самого старого и захудалого отеля.

Служащий у стойки ждал ее с заполненной формой, где оставалось только расписаться, и ключами от единственного номера на втором этаже с видом на лагуну. Она быстро, перешагивая через несколько ступенек разом, поднялась по лестнице и вошла в бедно обставленный номер, где пахло недавно распыленным средством от насекомых, а почти все пространство занимала огромная двуспальная кровать. Достала из пляжной сумки лайковый несессер и книгу с не до конца разрезанными страницами, которую оставила на тумбочке, заложив на середине ножом из слоновой кости. Достала розовую шелковую сорочку и спрятала под подушку. Достала шелковый же платок с

рисунком, изображавшим тропических птиц, белую рубашку с коротким рукавом, сильно поношенные кеды и отнесла все в ванную.

Собираясь привести себя в порядок, первым делом сняла обручальное кольцо и мужские часы с правой руки, оставила на туалетном столике, а потом быстро сполоснула лицо — смыла дорожную пыль и разогнала остатки сна после сиесты. Вытершись, оценила в зеркале грудь, округлую и горделивую, несмотря на двое родов. Ребром ладоней оттянула назад щеки, чтобы вспомнить, какой была в молодости. Не обратила внимания на морщины на шее, с которыми ничего уже нельзя было сделать, и оглядела великолепные зубы, недавно чищенные после обеда на пароме. Помазала шариковым дезодорантом тщательно выбритые подмышки и надела прохладную хлопковую рубашку с инициалами АМБ, вышитыми на кармане. Расчесала индейские волосы до плеч, платком с птицами завязала их в хвост. Напоследок смягчила губы самой простой гигиенической помадой, пощупала указательные пальцы и подровняла сросшиеся брови, чуть подушилась за ушами «Восточным деревом» и только тогда по-настоящему посмотрелась в зеркало и встретила лицом к лицу с собственным лицом, материнским, осенним. Кожа без следа косметики цветом и текстурой напоминала патоку; под темными португальскими веками мерцали топазовые глаза. Она раздробилась на мелкие кусочки, осуждающе оценила каждый кусочек без всякой жалости и нашла, что выглядит почти так же прекрасно, как чувствует себя. Только надев обратно кольцо и часы, она поняла, что опаздывает: было без шести четыре, но она позволила себе задержаться еще на одну ностальгическую минуту и полюбоваться цаплями, неподвижно парящими над горячим маревом лагуны.

Такси ждало под банановыми деревьями у входа. Не дожидаясь указаний, водитель проехал по обсаженному пальмами проспекту до незастроенного участка между отелями, где обосновался стихийный рынок под открытым небом, и затормозил у торговки цветами. Крупная негритянка, дремавшая на пластиковом стуле, всполошилась от гудка, но, окончательно проснувшись, сразу же узнала женщину на заднем сиденье, разулыбалась, стала сыпать словами и вручила ей специально приготовленный букет гладиолусов. Через пару кварталов такси свернуло на едва заметную дорожку, шедшую резко вверх меж острых камней. В кристальном от жары воздухе привольно лежало Карибское

море, увеселительные яхты выстроились вдоль туристического причала, четырехчасовой паром возвращался в город. На вершине холма приютилось самое что ни на есть бедное кладбище. Она без усилия толкнула ржавую калитку и пошла с букетом мимо заросших сорной травой могил. В центре росла раскидистая сейба, по которой легко было найти могилу матери. Острые камни больно впивались в ноги даже через прогретые зноем резиновые подошвы, а настырное солнце проникало под атласный зонтик. Из кустов выскочила игуана, резко остановилась прямо перед ней, встретила с ней взглядом и кинулась прочь

Она вынула из сумочки и надела садовую перчатку. Пришлось расчистить три могильные плиты, прежде чем она узнала желтоватый мрамор, имя матери и дату смерти, восемь лет назад.

Каждый год шестнадцатого августа она приезжала в один и тот же час, на одной и той же машине, покупала цветы у одной и той же торговки и приносила на могилу матери букет свежих гладиолусов. С этой минуты у нее не оставалось никаких дел до девяти утра следующего дня, когда отплывал первый паром.

Ее звали Анна Магдалена Бах, ей было сорок шесть лет от роду, и двадцать семь из них она провела в отлично налаженном браке с мужчиной, которого любила, который любил ее и был первым ее ухажером — она вышла за него девственницей, не закончив искусствоведческий факультет. Ее мать была всеми уважаемой учительницей в монтессорианской начальной школе и, несмотря на многочисленные заслуги, до последнего вздоха отказывалась от всяческого повышения. Анна Магдалена унаследовала от нее ослепительные золотистые глаза, дельное немногословие и ум, чтобы верховенствовать над перепадами собственного характера.

В ее семье были одни музыканты. Отец преподавал фортепиано и сорок лет руководил местной консерваторией. Муж, дирижер, тоже происходивший из музыкальной династии, сменил его, своего учителя, на этом посту. Образцовый сын стал первой виолончелью в Национальном симфоническом оркестре в двадцать два, и сам Мстислав Леопольдович Ростропович рукоплескал ему на частном концерте. Дочка же, которой было восемнадцать, обладала почти гениальной способностью со слуха выучиваться игре на любом инструменте, но ценила в себе этот дар лишь как предлог не ночевать

дома. Она крутила веселый роман с превосходным джазовым трубачом, но собиралась, вопреки воле родителей, принять постриг в ордене Босоногих кармелиток.

Мать изъявила желание быть похороненной на острове за три года до смерти. Анна Магдалена хотела поехать на похороны, но все посчитали это неразумным, да и ей самой казалось, что она не выдержит такой скорби. Отец отвез ее на остров в первую годовщину смерти, чтобы положить беломраморную плиту, которую они давно задолжали материнской могиле. Ее напугал путь на каноэ с подвесным мотором: они плыли почти четыре часа, и море за это время не успокоилось ни на единую секунду. Ее восхитили усыпанные золотистой мукой пляжи у самого края девственной сельвы, птичий гомон и призрачный полет цапель над заводями лагуны. Ее огорчила нищета деревни, где им пришлось заночевать под открытым небом, в гамаках, подвешенных между двумя кокосовыми пальмами, хотя это было родное селение знаменитого поэта, а также языкастого сенатора, чуть не ставшего президентом. Ее поразило количество темнокожих рыбаков, лишившихся руки вследствие неудачного подрыва динамитной шашки. Но самое главное — она поняла волю матери, увидев великолепие мира с вершины кладбищенского холма. Это было единственное уединенное место на свете, где ей не было одиноко. Тогда-то Анна Магдалена решила оставить ее там, где она лежала, и каждый год привозить на могилу букет гладиолусов.

Август — месяц зноя и безумных ливней, но она воспринимала это как обязательное условие покаянного паломничества, которое должна была свершать, не отлынивая и непременно в одиночестве. Она нарушила правило всего один раз, сломавшись под давлением детей, хотевших попасть на могилу к бабушке, и в ответ природа устроила им кошмарное плавание. Лодка вышла в море несмотря на дождь, чтобы ночь не застала их в дороге, и дети вконец измучились от страха и морской болезни. На сей раз им, к счастью, удалось поселиться в первом на острове отеле, который сенатор выстроил на государственные деньги и записал на свое имя.

Год за годом Анна Магдалена Бах наблюдала, как стеклянные утесы все растут и растут, а деревня все беднеет и беднеет. Моторки отправились на пенсию, их заменил паром. Плавание по-прежнему

занимало четыре часа, но с кондиционером, оркестром и девочками. Теперь только Анна Магдалена и заглядывала в деревню.

Она вернулась в отель, легла на кровать, сняв все, кроме кружевных трусиков, и стала читать книгу с заложенной ножом страницы, под лопастями потолочного вентилятора, едва взбалтывающими жару. Это был «Дракула» Брэма Стокера. Половину она прочла еще на пароме, прочла страстно, понимая, что ей попался шедевр. Теперь она уснула с книгой на груди и проснулась два часа спустя в темноте, в поту и страшно голодная.

Гостиничный бар работал до десяти вечера, и она спустилась перекусить перед сном. Заметила, что клиентов больше, чем обычно в это время, и официант вроде бы новый. Заказала для верности то же, что и в прежние годы: поджаренный сэндвич с ветчиной и сыром и кофе с молоком. Дожидаясь еды, она вдруг увидела, что окружена теми же престарелыми туристами, что приезжали сюда, когда отель был единственным на острове. Мулатка, совсем девочка, пела грустные болеро, и всегдашний Агустин Ромеро, только старый и слепой, ласково подыгрывал ей на дряхлом пианино, звучавшем еще на открытии.

Она быстро разделалась с сэндвичем, стараясь перебороть унижительное чувство от ужина в одиночестве, но от музыки, мягкой и убаюкивающей, ей стало хорошо, да и девочка умела петь. К тому времени, как Анна Магдалена доела, в зале осталось всего три парочки за разными столами и, прямо перед ней, мужчина, которого она раньше не замечала. Он был одет в белый льняной костюм, а его волосы отливали металлом. Перед ним стояла бутылка бренди и налитый до половины бокал, и казалось, этот мужчина совсем один в мире.

Зазвучал «Лунный свет» Дебюсси в рискованной аранжировке: пианист превратил его в болеро, а девочка-мулатка с любовью пропела. Анна Магдалена Бах растрогалась и заказала джин со льдом и содовой, единственное спиртное, которое хорошо переносила. Мир изменился с первого же глотка. Она почувствовала себя лукавой, веселой, способной на все и еще более прекрасной от священной смеси музыки и джина. Она думала, что мужчина за столиком напротив ее не замечает, но, взглянув второй раз, поймала его взгляд на себе. Он залился краской. Она не отвела взгляда, а он уставился на карманные часы. Смущенно убрал их, долил себе бренди, в смятении оглянулся на дверь, убедившись, что женщина напротив безжалостно его

разглядывает. И поднял глаза на нее. Она улыбнулась, и он слегка кивнул в ответ.

— Можно вас угостить? — спросил он.

— С удовольствием с вами выпью, — сказала она.

Он подсел к ней за столик и очень элегантно наполнил ее бокал. «Ваше здоровье». Они чокнулись и выпили залпом. Он поперхнулся, закашлялся, сотрясаясь всем телом, и у него брызнули слезы. Оба долго молчали, пока он промокал глаза платком, от которого пахло лавандой, и ждал, пока вернется голос. Она осторожно спросила, не ждет ли он кого-то.

— Нет, — сказал он, — дело было важное, но не состоялось.

Она с хорошо разыгранным удивлением спросила: «Бизнес?» Он ответил: «Ни на что другое я уже не гожусь» — тем тоном, каким говорят мужчины, если не хотят, чтобы им поверили. Она подыграла ему, расчетливо представив, что сказала бы совсем не похожая на нее вульгарная дамочка:

— Разве что дома не годитесь, надо думать.

И так она подгоняла его, пока деликатно не завлекла в путы банальной болтовни. Попробовала угадать возраст и дала всего на год больше: сорок шесть. Попробовала определить страну по акценту, и получилось с третьего раза: гринго, но латиноамериканского происхождения. Вознамерилась узнать профессию, но на второй попытке он поспешил признаться, что он инженер-строитель, и она заподозрила, что это уловка, призванная увести ее от истины.

Когда речь зашла о том, как смело было превратить пьесу Дебюсси в болеро, выяснилось, что он этого даже не заметил. Ему понравилось, что собеседница разбирается в музыке, в то время как сам не мог узнать ни единой мелодии, кроме «Голубого Дуная». Она рассказала, что читает «Дракулу» Стокера. Он читал еще в школе, и ему навсегда запомнился эпизод, в котором граф прибывает в Лондон в облике собаки. На нее этот фрагмент тоже произвел впечатление, и она не могла понять, зачем Фрэнсис Форд Коппола в своем незабываемом фильме его изменил. На втором бокале она почувствовала, что где-то в глубинах ее сердца бренди встретилось с джином, и постаралась сосредоточиться, чтобы не потерять голову. В одиннадцать шоу закончилось, и оркестр дожидался только их ухода.

К тому времени она знала своего собеседника так, будто прожила с ним всю жизнь. Знала, что он опрятный, безупречно одевается, что руки у него немые и слегка испорченные естественным блеском ногтей, а сердце доброе и трусливое. Она поняла, что его смущают ее большие желтые глаза, и не сводила их с него, пока не почувствовала в себе достаточно силы сделать шаг, о котором никогда в жизни не помышляла, и не спросила напрямик:

— Поднимемся?

Он утратил самообладание.

— Я живу не здесь, — сказал он.

Но она даже не стала ждать, когда он договорит. «Зато я — здесь», — бросила она, встала и чуть тряхнула головой, чтобы не так кружилась. «Второй этаж, номер двести три, справа от лестницы. Не стучитесь, просто толкните дверь».

Она поднялась в номер, испытывая восхитительную оторопь, какой не чувствовала с первой брачной ночи. Включила вентилятор, но не свет, быстро разделась в темноте, оставляя вещи по всему полу от входной двери до ванной. Когда она зажгла лампочку над раковиной, ей пришлось зажмуриться и глубоко втянуть воздух, чтобы на задохнуться и унять дрожь в руках. Стремительно подмылась, ополоснула подмышки и пальцы ног, вспотевшие в резиновой обуви, — до последних событий она, несмотря на дневную жару, не собиралась принимать душ раньше утра. Времени почистить зубы не оставалось, и она просто выдавила капельку пасты на язык, а потом вернулась в комнату, едва освещенную диагональной полосой света из ванной.

Она не стала ждать, когда ее гость толкнет дверь, а сама открыла, услышав его шаги. Он испугался, но она не дала ему опомниться. Энергично стащила с него пиджак, галстук, рубашку и побросала на пол через его плечо. Воздух постепенно наполнялся легким запахом лаванды. Сначала гость пытался ей помогать, но ей было недосуг. Раздев его до пояса, она усадила его на кровать и опустила на колени, чтобы снять ботинки и носки. Он тем временем расстегнул ремень и ширинку, так что ей осталось только дернуть брюки вниз. Ключи, банкноты, монеты и карманный нож рассыпались по полу, но этого никто не заметил. Наконец, она помогла ему стянуть трусы и поняла, что он не так богато одарен, как ее муж — единственный взрослый

мужчина, которого она видела голым, — но спокоен и пребывает в боевой готовности.

Она не оставила ему никакой свободы действий. Оседлала его по самую душу и выедала без остатка в угоду себе одной, не думая о нем, пока оба, потрясенные и выжатые, не замерли в луже пота. Она оставалась сверху, перебарывая в удушливом шуме вентилятора первые приступы вины, но потом заметила, что ему, распластанному под ее телом, трудно дышать, и вытянулась на спине с ним рядом. Он лежал неподвижно и, едва восстановив дыхание, спросил:

— Почему я?

— На меня нашло вдохновение, — сказала она.

— Вдохновить такую женщину, как вы, — большая честь.

— Честь? Не радость? — шутливо переспросила она.

Он не ответил; оба лежали и прислушивались к собственным душам. Комната преобразилась в зеленом полумраке лагуны. Послышался шум крыльев. «Что это?» — спросил он. Она рассказала ему про ночные повадки цапель. Целый час они шепотом обменивались банальностями, а потом она принялась очень медленно изучать его на ощупь — от груди до низа живота. Пальцами ног пробежала по его ногам и убедилась, что весь он покрыт густой и нежной порослью, напоминающей апрельский мох. Добралась до спящего зверя и нашла его слабым, но живым. Он повернулся так, чтобы ей было удобнее трогать. Она подушечками оценила размер, форму, растревоженную уздечку, шелковистую головку со складкой, будто защитой портновским шилом. На ощупь сосчитала швы, и он поспешил подтвердить ее догадку: «Мне сделали обрезание во взрослом возрасте». И добавил со вздохом:

— Та еще радость.

— Ну хоть не честь, — без всякого сострадания съязвила она.

Но тут же утешила, нежно целуя в ухо, в шею, а он тоже нашел ее губами, и они впервые поцеловались. Она снова проверила и застала его вздыбленным. Хотела опять напасть первой, но он вдруг предстал перед ней как искусный любовник и неторопливо довел ее до точки кипения. Она удивилась, что эти неуклюжие руки способны на такую нежность, и попыталась кокетливо улизнуть. Но он твердо пресек все попытки, обошелся с ней по своему вкусу и в своем духе и осчастливил.

После двух часов ночи гром сотряс основания дома, а ветер вырвал щеколду окна. Она встала закрыть и в мгновенном полуденном свете очередной молнии увидела покрывшуюся барашками лагуну, гигантскую луну на горизонте за дождем и голубых цапель, отчаянно бьющих крыльями в безвоздушном пространстве бури. Он спал.

Когда она шла обратно к постели, ноги у нее запутались в одежде на полу. Свою она трогать не стала, но повесила на стул его пиджак, а поверх — рубашку и галстук, осторожно сложила брюки, чтобы не нарушить сгибов, и оставила на сиденье вместе с ключами, ножом и деньгами. Воздух в комнате охладился от урагана, так что она надела розовую сорочку — шелк был такой чистый, что по коже побежали мурашки. Мужчина, спавший на боку с поджатыми ногами, выглядел огромным сиротой, и она не смогла подавить порыва жалости. Легла у него за спиной, обняла за талию, и он почувствовал зарево ее влажного тела. Резко засопел и отодвинулся во сне. Она тоже задремала и проснулась от того, что вентилятор умер: свет отключили, и номер погрузился в жаркий мрак. Он ровно храпел и присвистывал. Из чистого озорства она начала поглаживать его кончиками пальцев. Он резко перестал храпеть и, казалось, ожил. Она на миг оставила его и сбросила розовую сорочку. Но, вернувшись, поняла, что ее уловки не работают: он притворился спящим, чтобы не ублажать ее в третий раз. Так что она снова надела сорочку и уснула спиной к нему.

Проснулась по привычке в шесть. Полежала с минуту с закрытыми глазами, приходя в себя, отказываясь признавать пульсирующую боль в висках, ледяную тошноту, тревогу из-за чего-то неведомого, что, несомненно, ждало ее в реальной жизни. По шуму вентилятора она поняла, что комнату уже видно в голубом свете зари над лагуной. Вдруг ее, словно молния, испепелило жестокое осознание: впервые в жизни она занималась любовью и спала с не своим мужчиной. Она испуганно обернулась через плечо: его не было. В ванной тоже. Она зажгла свет и увидела, что одежды его тоже нет, а вот ее одежду, брошенную вчера как попало, подобрали и сложили на стул почти с любовью. И тогда она поняла, что ничего о нем не знает, даже имени, и единственное, что осталось ей от безумной ночи, — грустный запах лаванды в очищенном грозой воздухе. Только взяв с тумбочки книгу, чтобы упаковать в пляжную сумку, она заметила, что он оставил в леденящих душу страницах купюру в двадцать долларов.

Прежней она больше не станет. Она заподозрила это еще на обратном пароме, в окружении орд туристов, которые всегда были ей глубоко безразличны, а теперь без видимой причины вдруг сделались отвратительны. Она всегда много и с толком читала. Ей чуть-чуть не хватило до окончания искусствоведческого факультета, и там она свято прочитывала все, что полагалось, а потом перешла на то, что больше нравилось: знаменитые романы, предпочтительно длинные, про любовь, предпочтительно несчастную. На несколько лет полностью переключилась на повести — от «Ласарильо с Тормеса» до «Старика и моря» и «Постороннего». Она терпеть не могла бестселлеры и знала, что за всеми новинками не угнаться. В последние годы углубилась в романы о сверхъестественном. Но в тот день лежала под солнцем на палубе и не видела ни единой буквы в книге и не могла думать ни о чем другом, кроме прошлой ночи.

Здания в порту, такие стройные, знакомые со школьных времен, показались ей чужими и грязными от морской соли. У самой пристани она села на автобус, такой же древний, как был в ее школьные времена, забитый бедняками и гремящий музыкой из радиоприемника на карнавальной громкости, но в тот удушливый полдень ей было там неудобно, как никогда раньше, и впервые мешала мрачность остальных пассажиров и исходивший от них запах коровника. С детства родные крикливые ряды городского рынка, по которым всего неделю назад она гуляла с дочерью совершенно беззаботно, внезапно потрясли ее так же, как улицы Калькутты, где бригады мусорщиков на рассвете колотили палками лежавшие вдоль тротуаров тела, чтобы узнать, кто спит, а кто умер. На площади Независимости она увидела конную статую

Освободителя, установленную тридцать лет назад, и впервые обратила внимание, что конь стал на дыбы, а шпага воздета к небу.

Войдя в дом, она испуганно спросила у Филомены, что такого случилось, что птицы в клетках не поют, а с внутренней террасы исчезли горшки с амазонскими цветами, висячие папоротники и гирлянды синих вьюнков. Филомена, вечная служанка, напомнила, что растения переставили в патио подышать на дожде, как она сама распорядилась перед отъездом. И все же ей потребовалось несколько дней, чтобы понять, что изменился не мир, а она сама: она всегда шла по жизни, не присматриваясь, и только в тот год, после возвращения с острова, стала видеть ее сквозь осуждающие очки.

Она не вполне осознавала причину перемен, но они явно были связаны с двадцатидолларовой купюрой, лежавшей на сто шестнадцатой странице ее книги. При виде купюры она испытала невыносимое унижение, и оно не проходило и не давало ей ни минуты покоя. Сначала она заплакала от ярости: она даже не знала, кто этот мужчина, которого следовало бы убить за то, что он испоганил ее воспоминание о счастливом приключении. Во время плавания на пароме она примирилась с собой в том, что касалось самого акта без любви, поскольку для собственной совести определила его как личное дело только двоих людей — ее и мужа, — но не могла справиться с неприятными мыслями о купюре, которая огнем жгла не столько ее бумажник, сколько сердце. Она не знала, то ли вставить ее в рамочку как трофей, то ли уничтожить и тем самым перечеркнуть недостойный эпизод. Ясно было одно: тратить ее неприлично.

День окончательно испортился, когда Филомена сказала, что ее муж еще не вставал, хотя уже пробило два. Она не могла припомнить ничего подобного, кроме разве тех суббот, когда они кутили ночь напролет вместе и потом отлеживались в постели все воскресенье. Муж мучился головной болью. Шторы он оставил открытыми, и ослепительный дневной свет лился в спальню. Она задернула шторы и собралась подбодрить несчастного ласковым словом, как вдруг у нее промелькнула мрачная мысль. Опрометчиво она задала вопрос, которого так боялась сама:

— Можно узнать, где ты был вчера вечером?

Он удивился. Такого вопроса, столь частого даже у счастливых пар, в их доме раньше не слышали. Так что, скорее развеселившись,

чем обеспокоившись, он парировал: «Где или с кем?» Она насторожилась: «Что ты имеешь в виду?» Но он не принял вызова и рассказал, что отлично сходил послушать джаз с Микаэлой, их дочь. И тут же сменил тему:

— Кстати, ты мне даже не рассказала, как у тебя прошло.

Она с тревогой подумала, что ее неуместный вопрос мог раздуть пепел каких-нибудь старых подозрений. Сама эта мысль привела ее в ужас. «Как обычно, — соврала она. — Ночью в отеле отключили свет, а утром в душе не было воды». Так что она приехала немытая, в двухдневном поту. Но море было тихое и прохладное, и даже получилось подремать на пароме.

Муж выпрыгнул из постели в трусах — он всегда спал в трусах — и пошел в ванную. Он был крупный, спортивный и непритязательно красивый. Она отправилась за ним следом, и в ванной они продолжали разговаривать — он из душевой кабинки, скрытый клубами пара, она сидя на крышке унитаза, как разговаривали молодоженами. Она снова подняла тему неуправляемой дочери. Ее звали Микаэла, как похороненную на острове бабушку, и она вбила себе в голову, что должна стать монахиней, хотя пока что крутила любовь и до утра где-то шлялась с виртуозом-джазистом чуть старше ее самой. Мать этого не понимала, не говоря уже о том, зачем зазывать собственного отца в кабаки, полный укуренных музыкантов. Муж беззаботно пошутил:

— Уж не ревнуешь ли ты меня к нашей дочке?

Ей было бы легче сказать — да, но она вовремя поняла, что сегодня не лучший день для споров во время легкой любовной беседы в ванной. Он, намыливаясь, начал напевать фортепианный концерт Грига и вдруг повернулся к ней.

— Иди ко мне.

У нее нашелся единственный повод для колебаний, правда, повод весомый для кого-то столь щепетильного, как она.

— Я со вчерашнего дня не мылась, — сказала она. — От меня несет псиной.

— Тем более, — ответил он. — Вода — чистое наслаждение.

Она сняла рубашку в шотландскую клетку, джинсы и кружевные трусики, в которых вернулась с острова, бросила в корзину с грязным бельем и шагнула под душ. Он потеснился и намылил ее, как всегда, с головы до ног, не прерывая беседы.

В этом не было ничего нового — они сумели сохранить некоторые привычки любовников, например вместе мыться. Сначала они так делали, потому что начинали работать в одно и то же время и пресловутым спорам о том, кто пойдет в душ первым, предпочитали несколько минут вдвоем. Они так нежно касались друг друга мочалками, что часто дело заканчивалось на полу ванной, на шелковом коврикe, который она купила специально, чтобы не повреждать спину во время молниеносной любви.

Первые три года они не пропускали ни одной ночи — в постели — или утра — в ванной, — за исключением священных перемирий на время месячных и родов. Оба вовремя поняли, как опасна рутина, и не сговариваясь решили добавить любви толику приключения. Сначала они отправлялись в мотели на час, все равно — самые изысканные или захудалые, пока однажды на очередной мотель не напали вооруженные бандиты и не оставили их в чем мать родила. Вдохновение снисходило на них так неожиданно, что она, во избежание сюрпризов, приучилась всегда носить в сумочке презервативы. Однажды им попала марка с рекламным слоганом на упаковке: *Next Time Buy Lutetian* [\[1\]](#), и с тех пор в течение долгого времени каждая любовная встреча заканчивалась какой-нибудь интересной фразой, от неприличных шуток до сентенций Сенеки.

Дети и дела заставили их сбавить темп, но они старались наверстывать упущенное, и всякий раз любовь их была веселой, и любое безумие в ней допускалось. Даже в самые неподходящие времена они умудрялись возрождаться, и так сделали полный оборот и вернулись к точке рутины.

Мужа Анны Магдалены Бах звали Доменико Амарис, это был учтивый, статный и элегантный пятидесятичетырехлетний мужчина, больше двадцати лет служивший главным дирижером местной консерватории. Он славился не только как безупречный маэстро, но и как салонный угодник, музыкальный карикатурист, спасший не одну вечеринку кубинским дансоном в стиле Рахманинова или болеро Агустина Лары в стиле Шопена. В университете он был чемпионом по всему: пению, плаванию, ораторскому искусству, настольному теннису. Он лучше всех рассказывал анекдоты и знал диковинные танцы вроде контрданса, чарльстона и танго апаш. Он также подвизался как дерзкий престижиджитатор, и на одном торжественном ужине в консерватории

устроил так, что из супницы, которую открыл губернатор, выскочил, хлопая крыльями, живой цыпленок. Никто не знал, что он умеет играть в шахматы, пока после одного славного концерта его не вызвал на поединок Пауль Бадур-Скода: они сидели за доской до девяти утра и свели одиннадцать партий в ничью. В качестве любителя розыгрышей он чуть не потерпел разгромное фиаско, когда уговорил близняшек Гарсиа поменяться женихами, и в результате обе чуть не вышли замуж не за того, за кого надо. Это была его последняя выходка, поскольку оба жениха и их семейства в полном составе серьезно обиделись. Однако Анна Магдалена приспособилась к нему, стала похожей на него, и постепенно они так хорошо друг друга узнали, что превратились практически в одного человека.

Он переживал прекрасный момент карьеры, углубившись в теоретические изыскания. Ему всегда казалось, что творчество великого музыканта неотделимо от его судьбы, а теперь он изложил свою гипотезу в систематическом исследовании музыки и биографий выдающихся композиторов. Он считал, что вершина творчества Брамса — скрипичный концерт, и не понимал, как это Брамс не сочинил того великолепного концерта для виолончели, который в конце концов сочинил Дворжак. Он ушел с поста дирижера и перестал слушать музыку в записи — только читал ноты, делая исключение разве что для совсем уж необычных вариаций на экспериментальных семинарах, которые вел в консерватории.

На основе своих — возможно, недоказуемых — умозаключений он писал руководство, как по-новому, более человечно слушать музыку и как исполнять ее внимательнее к сердцу. Он почти закончил главы с самыми важными примерами: про Моцарта и Шуберта, двух гениев, чей талант был подобен низвергающемуся потоку, но жизнь недолга и несчастна, и Шоссона, в самом расцвете творческих сил павшего жертвой нелепого несчастного случая с велосипедом.

Единственным, что нарушало спокойствие семьи, было поведение очаровательной бунтарки Микаэлы. Она упорно старалась убедить родителей: в нынешние времена участь монахини — уже не та, что была прежде, а на заре третьего тысячелетия, она твердо уверена, отменяет даже обет целомудрия. Мать, что любопытно, сердилась на Микаэлу по иным причинам, чем отец — тот, в общем, не возражал против ее призвания, поскольку музыкантов в семье и так хватало.

Сама Анна Магдалена когда-то училась играть на трубе, но не преуспела. Все, однако, превосходно пели. В дочери же его раздражала недавно обретенная жизнерадостная привычка: не спать по ночам. Был случай, когда Микаэла зашла слишком далеко: исчезла на все выходные со своим мулатом-трубачом. В полицию обращаться не пришлось, поскольку все приятели из богемной молодежи прекрасно знали, куда отправилась парочка: они поехали на остров. Анна Магдалена пережила запоздалый ужас. Микаэла, желая утешить ее, поделилась неожиданным поступком: оказывается, она возложила розу на бабушкину могилу. Непонятно было, правду она говорила или врала, но Анне Магдалене совершенно не хотелось выяснять. Она только сказала, что дочери следовало прежде посоветоваться с ней, ведь некоторых подробностей Микаэла не знала:

— Бабушка ненавидит розы.

Доменико Амарис понимал дочь, но из солидарности перечил жене и, как всегда, оказывался в самом уязвимом положении. К счастью, Микаэла пошла на уступки и в течение нескольких месяцев полуночничала только по выходным. Она часто ужинала дома, ежедневно болтала по телефону не меньше трех часов и до поздней ночи смотрела, запершись у себя в комнате, фильмы, где постоянно что-то взрывалось и кто-то громко кричал, наполняя весь дом атмосферой ужаса. К замешательству родителей, в беседах за столом она выказывала деятельную осведомленность и зрело судила о недавних культурных событиях. По счастливой случайности Анна Магдалена узнала, что бесконечные телефонные разговоры дочь вела не с джазовым ухажером, а с монахиней из Босоногих кармелиток, официально ответственной за катехизацию, и решила, что это меньшее из двух зол.

Однажды за ужином Анна Магдалена призналась, что опасается, как бы дочь не вернулась с очередного уик-энда беременной, а Микаэла ее успокоила: оказывается, один друг-медик еще в пятнадцать лет поставил ей спираль. Мать, сама ни разу не зашедшая в предохранении дальше эрудированных презервативов, выкрикнула вне себя слово, попавшее дочери прямо в сердце:

— Шлюха!

После чего в доме на несколько дней воцарилось стеклянное молчание. Анна Магдалена безутешно рыдала в спальне — больше от

стыда за собственные порывы, чем сердясь на дочь. Муж все время, что она плакала, вел себя так, будто его вовсе не существовало, поскольку знал, что с причиной слез, неважно — известной ему или нет, ничего сделать не сможет.

Его поведение напугало ее и утвердило в подозрении, что мужчины вообще стали относиться к ней по-новому. За ней всегда пытались приударить, но она оставалась так равнодушна к этим попыткам, что тут же забывала их без сожаления. Однако в том году, вернувшись с острова, она стала чувствовать, что на лбу у нее словно стигма, и мужчины эту стигму видят, и, уж конечно, ее не может не замечать тот мужчина, который так любит Анну Магдалену и которого она сама любит больше всех на свете. Они с мужем долгие годы были заядлыми курильщиками, выкуривали по две пачки в день и бросили вместе, из любви друг к другу. Но после острова она снова начала — и он понял это по переставляемым пепельницам, по запаху табака, не скрываемому бесшумными распылителями ароматов, по забытым впопыхах окуркам.

Весь уклад ее жизни нарушился. Она несколько месяцев кряду не могла дочитать «Антологию фантастической литературы» Борхеса и Бьой Касареса. Плохо спала, среди ночи вставала и шла в ванную курить, спускала окурки в унитаз, но они всплывали, и муж, встававший в пять утра, все равно их обнаруживал. Ей было не уснуть не потому, что хотелось курить; скорее наоборот: приходилось курить, потому что было не уснуть. Иногда она включала свет, прочитывала пару страниц, выключала, вертелась в постели, аккуратно, до миллиметра рассчитывая каждое движение, чтобы не разбудить мужа. Пока он не собрался с духом и не спросил: «Что с тобой такое?» Она сухо ответила:

— Ничего. А что?

— Прости, — сказал он, — но я просто вижу, что ты стала сама не своя, — и добавил с безупречным тактом: — Я в чем-то провинился?

— Не знаю, сама я ничего такого за собой не замечала, — сказала она, и ее выдержка, как всегда, поразила мужа. — Но, наверное, ты прав. Может, выходки Микаэлы так на меня влияют?

— Это началось раньше, — и он решил сделать последний шаг: — Ты такая с тех пор, как съездила на остров.

С первой июльской жарой в груди у нее запорхали бабочки, и она знала, что конца этому не будет, пока она не вернется. Месяц шел долго и казался еще длиннее из-за неопределенности. Поездка никогда раньше не вызывала сомнений и трудностей — все равно что прокатиться в воскресенье до пляжа, но в тот год Анна Магдалена заранее боялась возможной встречи с мимолетным двадцатидолларовым любовником, которого успела возненавидеть. Вместо джинсов и пляжной сумки прежних лет она приготовила в дорогу льняной костюм и золотые босоножки и сложила в чемодан второй костюм, еще более элегантный, туфли на высоком каблуке и изящные украшения с изумрудами. Она чувствовала себя по-новому: готовой и способной на все.

*В следующий раз покупайте «Лютетские» *(англ.)*.

Когда она сошла с парома, всегдашнее такси показалось ей совсем уж обшарпанным, и она села в другое, новое, с кондиционером. Других отелей, кроме своего, она не знала и велела водителю ехать в недавно открывшийся «Карлтон» — скалу золотистого стекла, постепенно прораставшую сквозь железный кустарник во время трех предыдущих приездов Анны Магдалены. Простого одноместного номера в разгар августа не нашлось, но ей сделали хорошую скидку на ледяной люкс на восемнадцатом этаже с видом на изгиб карибского горизонта и бесконечную лагуну, уходящую к самым горам. Люкс обошелся ей в четверть месячной зарплаты, но великолепие холла, его спокойствие и весенняя прохлада, а еще предупредительность служащих внушили ей чувство безопасности, в котором она отчаянно нуждалась.

С половины четвертого до восьми, когда она спустилась ужинать, она пребывала в постоянном беспокойстве. Гладиолусы в цветочной лавке при отеле были превосходны, но в десять раз дороже, чем на рынке, так что она поехала к своей обычной торговке, той самой, что в свое время предостерегла Анну Магдалену от нового «туристического» кладбища, где — хоть оно и походило на цветущий сад с музыкой и птицами на берегу лагуны — людей хоронили вертикально, экономя пространство.

На свое кладбище в этот раз она добралась только после пяти вечера, и солнце уже светило не так ярко. Некоторые могилы раскопали, и по сторонам дороги среди куч негашеной извести валялись обломки гробов и кости. В спешке выходя из дому утром, она забыла садовые перчатки и теперь выпалывала могилу голыми руками, рассказывая матери, что произошло за год. Единственная хорошая новость была про сына, которому в декабре предстояло впервые

солировать в Филармоническом оркестре с «Вариациями на тему рококо» Чайковского. Анна Магдалена проявила чудеса изворотливости, ни разу не заикнувшись о религиозном призвании дочери, поскольку знала, что покойная его не одобрила бы. И, наконец, собрала волю в кулак и призналась, что ровно год назад пережила ночь свободной любви, — она давно решила, что расскажет только матери и только год спустя. Призналась, что имя любовника ей неизвестно, зато известно, какой он бездушный. Она была совершенно уверена, что мать пошлет ей благосклонный знак, и даже немного подождала. Посмотрела на цветущую сейбу, с которой облетали мириады одинаковых лепестков, на море, на небо и на самолет из Майами, летящий по этому нескончаемому небу с часовым опозданием.

Вернувшись в отель, она устыдилась своей мятой одежды и пыльных волос. К парикмахеру она не ходила с прошлого года, потому что волосы у нее были мягкие, послушные и как бы подстраивались под ее характер. Занудный и елейный стилист, которому больше подошло бы зваться Нарциссом, чем Гастоном, развернул перед ней необозримую перспективу возможностей, открывавшихся с такими волосами, и в конце концов сделал пышную прическу, которую она и самостоятельно соорудила перед выходами в свет. По-матерински ласковая маникюрша бальзамами спасла ее исцарапанные на кладбище руки, и Анне Магдалене стало так хорошо, что она пообещала себе вернуться на следующий год, специально чтобы сменить имидж. Гастон сказал, что услуги оплачиваются вместе с общим счетом за номер, за исключением десятипроцентных чаевых. «Сколько это будет?» — спросила она.

— Двадцать долларов, — ответил Гастон.

Ее передернуло от такого невероятного совпадения: наверняка это мать посылает ей сигнал, что раны от проступка пора прижечь. Она достала купюру, год пылавшую на дне сумочки, как вечный огонь в память о безымянном любовнике, и с удовольствием вручила парикмахеру.

— Потратьте их с умом, — сказала она весело. — Они из плоти и крови.

С прочими тайнами экстравагантного отеля Анне Магдалене Бах оказалось справиться труднее. Стоило ей закурить, как что-то заверещало, замигало, и строгий голос на трех языках сообщил, что это

номер для некурящих. Поначалу она не могла взять в толк, что свет, телевизор, кондиционер и музыка включаются дверной карточкой, и пришлось просить, чтобы ее научили. Еще ей показали, какие кнопки нужно нажимать возле круглой ванны-джакузи, чтобы регулировать напор струй — от эротического до медицинского. Сгорая от любопытства, она скинула пропотевшую под кладбищенским солнцем одежду, надела шапочку для душа, чтобы не испортить прическу, и отдалась пенному водовороту. От счастья она даже набрала домашний номер и прокричала мужу: «Ты не представляешь, как ты мне сейчас нужен!» Голос у нее был такой радостный, что он через трубку почувствовал ее возбуждение.

— Черт, — сказал он, — будешь должна.

Ужинать она отправилась ровно в восемь. Сначала хотела заказать еду в номер, чтобы не одеваться, но смутилась дороговизной обслуживания и решила поесть по-простому, в кафе. Черное шелковое платье-футляр, длиннее, чем диктовала мода, очень шло к ее прическе. Она немного смущалась своего декольте, но ожерелье, серьги и кольца с искусственными изумрудами помогали делу и придавали глазам блеска.

Она быстро съела сэндвич с сыром и ветчиной и выпила кофе с молоком. Утомившись от громких туристов и оглушительной музыки, решила вернуться в номер и приступить к чтению «Дня триффидов» Джона Уиндема, до которой у нее вот уже три месяца не доходили руки. В тихом холле ей стало спокойнее, и она остановилась в дверях кабаре понаблюдать за профессиональной парой, безупречно танцевавшей под «Императорский вальс» Штрауса. Она так и стояла, прислонившись к дверной раме, даже когда показательные выступления закончились и на площадку высыпали обычные люди. Мягкий, но мужественный голос за спиной, совсем рядом, нарушил ее забытие:

— Потанцуем?

Обладатель голоса стоял так близко, что она улавливала тонкий запах страха за лосьоном для бритья. Она оглянулась через плечо, и у нее перехватило дыхание. «Простите, — пробормотала она, — но я не одета для танцев». Он не раздумывал с ответом:

— Вы одеты для всего, что сами задумаете, сеньора.

Фраза ей понравилась. Она машинально дотронулась ладонями до своих ключиц в белизне декольте, живых грудей, обнаженных рук,

чтобы убедиться, что тело на месте, там, где она его чувствует. И снова бросила взгляд поверх плеча — но не затем, чтобы рассмотреть хозяина голоса получше, а затем, чтобы самыми прекрасными глазами из всех, что ему суждено было видеть в жизни, присвоить его себе.

— Вы очень любезны, — сказала она кокетливо. — Мужчины в наше время не говорят таких вещей.

И тогда он обошел ее и томным жестом снова пригласил на танец. Анна Магдалена Бах, одинокая и свободная на своем острове, вцепилась в его руку изо всех сил, будто висела на краю пропасти. Они станцевали три вальса на старинный манер. Она с первых шагов предположила по его циничному мастерству, что он тоже профессионал, нанятый отелем для увеселения туристов, и позволила закружить себя, но неизменно оставаясь на расстоянии вытянутой руки. Глядя ей в глаза, он сказал: «Вы танцуете, как настоящая артистка». Она знала, что так и есть, но понимала, что он сказал бы так любой женщине, которую хотел затащить в постель. На втором вальсе он попробовал прижать ее к себе, но она не далась. Он прекрасно понял и не менее искусно вел ее, держа за талию кончиками пальцев, словно цветок. Она не уступала в грациозности. К середине третьего вальса она уже будто знала партнера всю жизнь.

Анна Магдалена не подозревала, что бывают такие красивые мужчины в такой старомодной оболочке. Его кожа отличалась крайней бледностью, глаза под густыми бровями полыхали огнем, иссиня-черные волосы с идеальным пробором были усмирены бриолином. Тропический смокинг из шелковой чесучи, облегавший узкие бедра, довершал франтоватый облик. Все в танцоре казалось таким же фальшивым, как его манеры, но жаркие глаза словно молили о жалости.

После вальсов он, ни о чем не спросив, повел ее к дальнему столику. Приглашения и не требовалось: она все знала заранее и обрадовалась, что он заказал шампанского. Сидеть в полумраке зала было приятно, и над каждым столиком витала аура уединения. Пока играла сальса, они молча смотрели на стремительно вертевшиеся пары. Она понимала, что он может сказать ей только одно. Время летело быстро. Они выпили полбутылки шампанского. В одиннадцать сальса смолкла, и фанфары возвестили о специальном выступлении Элены Бурке, королевы болеро, всего один вечер уделившей «Карлтону» в триумфальных гастролях по островам Карибского моря. В

ослепительном свете, под оглушительные аккорды королева вышла на сцену.

Анна Магдалена догадалась, что ее спутнику никак не больше тридцати, потому что болеро он танцевал не блестяще. Ей пришлось спокойно вести его, пока он не подстроился под шаг. Она снова попыталась держать его на расстоянии — на этот раз не из приличий, а чтобы он не понял, как вскипела ее кровь, разгоряченная шампанским. Но он придвинул ее к себе, сначала мягко, а потом вложив всю силу в руку у нее на талии. И тогда она почувствовала на своем бедре то, что он, обозначая территорию, хотел дать ей почувствовать. У нее ослабли колени, и она прокляла себя за биение крови в венах и неподозволенный жар дыхания. Ей все же удалось прийти в себя и отказаться от второй бутылки шампанского. Он не стал настаивать, а предложил прогуляться по пляжу. Она скрыла разочарование за снисходительной и легкомысленной фразой:

— Вы знаете, сколько мне лет?

— Я не могу себе представить, чтобы у вас был иной возраст, кроме того, что вы сами пожелаете, — ответил он.

Он еще не договорил, когда она, уставшая от вранья, поставила своему телу ультиматум: сейчас или никогда. «Простите, — сказала она и поднялась, — мне нужно идти». Он в замешательстве вскочил на ноги.

— Что случилось?

— Мне нужно идти. Я плохо переношу шампанское.

Он предложил какой-то другой, более невинный план, не зная, видимо, что, когда женщина уходит, нет власти, божеской или человеческой, способной ее остановить. Наконец он сдался.

— Можно мне вас проводить?

— Не утруждайтесь. И спасибо. Незабываемый получился вечер.

В лифте она уже жалела, что ушла. Точнее, испытывала к себе жгучую ненависть. Хотя было утешительно осознавать, что она поступила правильно. Она вошла в номер, разулась, легла на кровать и закурила, смотря в потолок. Взревела пожарная сигнализация. Почти одновременно в дверь постучали, и она мысленно испепелила чертов отель, где рука закона достает постояльцев даже в уединении уборной. Но за дверью стоял не закон, а ее недавний партнер. В полутемном коридоре он напоминал музейную восковую фигуру. Без всякого

сострадания, не убирая руку с дверной ручки, она всмотрелась, убедилась, что это он, и наконец отодвинулась от прохода. Он вошел, как к себе домой.

— Предложите мне что-нибудь выпить?

— Угощайтесь, — ответила она непринужденно. — Я понятия не имею, как что работает в этом космическом корабле.

Он, напротив, прекрасно умел со всем управляться. Приглушил свет, включил легкую музыку, достал из мини-бара шампанское и налил два бокала — словно работал художником-постановщиком. Она включилась в игру — не как Анна Магдалена, а как актриса, исполняющая ее роль. Они сдвинули бокалы, и тут зазвонил телефон. Она подошла. Очень любезный сотрудник безопасности отеля сообщил, что никто не может находиться в люксе после полуночи, если не зарегистрирован.

— Разумеется, я знаю, — сказала она, краснея. — Прошу прощения.

И в полном смущении повесила трубку. Он, словно слышал весь разговор, просто сказал: «Они ведь мормоны». И без дальнейших проволочек пригласил ее посмотреть с пляжа полное лунное затмение ровно через час с четвертью. Это было заманчивое предложение, поскольку к затмениям она питала детскую страсть, но весь вечер она балансировала между приличиями и соблазном и теперь соглашаться было неловко.

— У нас нет выбора, — сказал он. — Это наша судьба.

Сверхъестественность события избавила ее от колебаний. На его роскошном внедорожнике они отправились смотреть затмение в маленькую бухту, окруженную кокосовой рощей, куда не ступала нога туриста. Далеко на горизонте мерцал город, небо было звездное и прозрачное, а луна светила одиноко и печально. Он припарковался под пальмами, снял ботинки, ослабил ремень и откинул свое сиденье. Только тогда она заметила, что задних сидений в машине нет, а передние превращаются в ложа одним нажатием кнопки. Остальное пространство занимал крошечный бар, магнитола, из которой журчал саксофон Фаусто Папетти, и микроскопическое подобие ванной с портативным биде за бордовой шторкой. Она все поняла.

— Затмения не будет, — сказала она.

Он заверил, что затмение обещали.

— Не будет, — повторила она. — Затмения бывают в полнолуние, а сейчас мы в первой четверти луны.

Его это не смутило.

— Значит, будет солнечное. Торопиться некуда.

Дальше разговаривать было незачем. Оба знали, к чему идет, она — еще с первого болеро. Ее удивило, как искусно, с мастерством фокусника, он снимал с нее вещь за вещь, кончиками пальцев, будто луковицу чистил. При первом штурме ей показалось, что она сейчас умрет от боли и невероятного смятения, что ее распластали на бойне. Дыхание перехватило, ее омыло ледяным потом, но она обратилась к примитивным инстинктам, желая чувствовать не меньше, чем он, и доставлять не меньше чувств, и вместе они отдались немислимому наслаждению, какое дарит грубая сила, подчиненная нежности. Она никогда не стремилась узнать, кто он такой, но три года спустя после той безумной ночи увидела в телевизоре его фоторобот: полиция всех карибских стран разыскивала печального вампира, мошенника, сутенера беспокойных вдов и, возможно, убийцу двух из них.

Анна Магдалена Бах нашла своего следующего августовского мужчину еще на пароме. Собирался дождь, море было беспокойное, как в октябре, и на палубе оставаться не хотелось. Как только паром отвалил от причала, заиграл карибский оркестр, какие-то немцы, туристы, пустились в пляс и плясали до самого острова. Она укрылась в пустой — было всего одиннадцать утра — столовой и попыталась сосредоточиться на «Марсианских хрониках» Рэя Брэдбери. У нее почти получилось, как вдруг раздался крик:

— Что за счастливый день!

Доктор Акилес Коронадо, знаменитый адвокат, школьный друг Анны Магдалены и крестный ее дочери, шел к ней по проходу, раскинув руки и переваливаясь, словно престарелая горилла. Он сгреб ее в объятия, поднял в воздух и чуть не задушил поцелуями. Его несколько театральное радушие незаслуженно отваживало от него людей, но она знала, что радуется он искренне, а потому ответила с той же радостью и усадила рядом с собой.

— Вот ведь гадство! — сказал он. — Видимся теперь только на свадьбах и похоронах.

На самом деле они не виделись три года, и за это время он так постарел, что ее ужаснула мысль: а что, если он смотрит на нее с такой же оторопью, как она на него? Гладиаторская стать по-прежнему была при нем, но кожа совсем загубела, вырос второй подбородок, как у персонажей ренессансной живописи, а бриз ворошил пожелтевшие пряди на лбу. Когда они познакомились в средней школе, он уже был специалистом по беззаботной любви, но отвага его простиралась только до тайных походов в кино на шестичасовые сеансы. Зато женился он

так удачно, что брак принес ему больше почета и денег, чем вся осененная Гражданским кодексом трудовая жизнь.

Единственную неудачу он потерпел с Анной Магдаленой Бах, которая пресекла его первые поползновения в пятнадцать лет. Когда у обоих уже были семьи и дети, он снова начал прямолинейно и даже нахально за ней ухаживать, пытаясь без сентиментальщины затащить ее в постель. Она применила к нему смертоносный метод: не принимать поклонника всерьез, и тогда он усилил осаду: засыпал ее цветами и послал два горячечных письма, растрогавших ее. Тем не менее она не сдалась, опасаясь испортить нежную дружбу длиной в целую жизнь.

На пароме он вел себя безупречно — как умел он один, если, конечно, задавался такой целью. У причала они распрощались, поскольку ему нужно было успеть сделать все дела на острове до обратного четырехчасового парома. Она вздохнула. Она долго мечтала об этом новом шестнадцатом августа и даже обдумала некоторые закономерности — нелепо было бы ждать целый год, а в решающую ночь отдаться на волю случая. Первое приключение, размышляла Анна Магдалена Бах, она выбрала себе сама, хоть счастливая случайность и сыграла роль. Во втором случае выбрали ее. Первое оказалось подпорчено дурным вкусом двадцатидолларовой банкноты, но мужчина тот стоил ночи. Второе прожгло ее насквозь немислимим наслаждением, и следующие три дня ее нутро словно молотили огненными цепями, так что пришлось носить прокладки и делать теплые ванночки.

Что касалось отелей, то первый, старенький, был лучше, податливее и больше ей подходил, но там ее могли узнать. Второй подавлял свой современностью, на поверку оказавшейся средневековым ханжеством. Если она, как в прошлый раз, нарядится, то в таком претенциозном отеле рискует получить от мимолетного любовника уже не двадцать, а сто долларов. Так что на третий год она решила не переигрывать, одеться как обычно и оставить за собой, а не за случаем свободу выбора. Бестактность первого мужчины она теперь вспоминала снисходительно. Раны затягивались, и вдруг ей отчаянно захотелось снова встретить его и переспать, на сей раз без испуга и спешки, как двум давним любовникам, подпитывающим друг друга живительным доверием.

При помощи очередного таксиста она выбрала отель, состоявший из россыпи простеньких бунгало в миндальной роще, с большой танцплощадкой под открытым небом, столиками вокруг и кричащей афишей единственного выступления великой кубинской певицы Селии Крус. Бунгало, доставшееся Анне Магдалене, стояло в самом удачном уголке под деревьями и показалось ей уютным и прохладным, а на удобной широкой кровати поместились бы и трое. Порхание бабочек в груди стало почти невыносимым при одной мысли, что до самого рассвета с ней здесь будет мужчина из мечты.

Над кладбищем шел мелкий дождь. Она заметила, что с могил убрали сорняки, а дорожки разровняли и избавили от ничейных костей и обломков гробов. Подробно рассказала матери, как хорошо сложился у мужа год в консерватории, несмотря на сокращение муниципального бюджета, про успехи сына в оркестре и неудачные попытки воспрепятствовать уходу дочери в монастырь.

По дороге в отель она увидела в туристической лавке прелестную оахакскую тунику уипиль и решила, что это самый подходящий наряд для сегодняшнего вечера. Она чувствовала, что сама себе хозяйка. Спокойно прочла третью новеллу из «Марсианских хроник», позвонила мужу, и они долго обменивались любовными шуточками. Приняла душ, посмотрелась в зеркало и увидела, что она так же прекрасна и свободна, как ацтекская королева, послужившая источником вдохновения для уипиля. Впечатление портили только лакированные туфли. Она подумала, что лучше всего было бы остаться босиком, но не решилась и отправилась к танцплощадке слегка огорченная этим мелким несоответствием, которое не убавило в ней решимости опередить случай.

На миндальных деревьях, как в Рождество, мерцали гирлянды с разноцветными лампочками, и во дворике было полно разношерстной молодежи, блондинок со своими неграми на одну ночь и усталых пожилых пар. Она, наострив радары, села за дальний столик, и тут кто-то сзади закрыл ей глаза ладонями. Она с готовностью ощупала руки, обнаружила массивные часы на левом запястье и обручальное кольцо на безымянном пальце, но не решилась назвать имя.

— Сдаюсь!

Это был Акилес Коронадо. Ему пришлось отложить возвращение до завтра, и он решил, что нет смысла ужинать по отдельности, если

оба они на острове. Он не знал, в каком отеле остановилась Анна Магдалена, но ее муж с удовольствием поделился с ним информацией по телефону.

— У меня ни минуты покоя не было с тех пор, как мы расстались, но вот я здесь, — радостно заключил он. — У нас вся ночь впереди!

Она почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног, но постаралась сохранять спокойствие.

— На пароме ты был паинькой, — сказала она, точно рассчитав дозу язвительности. — Видимо, с возрастом пришел здравый смысл.

— Вот именно, — ответил он. — Но не подумай, что я этому рад.

Она не захотела шампанского. Сказала, что от обеда на пароме у нее разболелась голова и к горлу подкатывает ледяная тошнота. Он заказал двойной виски со льдом. Она достала таблетку аспирина и приняла, будто ампулу с цианидом.

Шоу началось с трио, исполнявшего песни «Лос-Панчос». Никто не обращал на них внимания — и меньше всех Акилес Коронадо. Он пространно признавался в страсти, душившей его с подростковых лет: брак его был счастливым исключительно потому, что, занимаясь с женою любовью в темноте, он представлял себе Анну Магдалену Бах. Она специально тянула время, чтобы дать ему побольше выпить, поскольку знала, что в этом он не слишком силен, и один виски за другим приведет его к краю пропасти, но подталкивать не стала — сам сорвется. Он понимал, что она никогда не уступит ему из сострадания, но умолял об одной минуте в постели, всего минуте. Он только поцелует ее, одетой. Не в силах придумать ничего лучшего, она ответила:

— Мы же кумовья. Это смертный грех.

— Я серьезно, на...! — вспыхнул он, уязвленный насмешкой, и ударил кулаком по столу.

Она отважилась взглянуть ему в глаза и убедилась в том, что и так уже поняла по голосу: он рыдал навзрыд. И тогда она молча встала из-за стола, вернулась в комнату и бросилась на кровать, плача от ярости.

Немного пришла в себя только к двенадцати. У нее болела голова, но еще сильнее мучила мысль, что ночь прошла впустую. Она одернула блузу и вышла в надежде спасти положение. Выпила джина с содовой, сидя на высоком табурете у барной стойки перед садом, откуда давно разошлись туристы-полуночники. Явился гермафродит с

искусственными мускулами, золотыми цепями и браслетами, белокурыми волосами и раскрасневшейся, несмотря на кремы от солнца, кожей. Заказал какой-то фосфоресцирующий напиток. Анна Магдалена спросила себя, рискнет ли флиртовать с молодым и хорошо сложенным барменом, и честно себе ответила — не рискнет. Задалась вопросом, а не выйти ли на улицу и не начать ли тормозить все машины, пока не найдется желающий сделать ей августовское одолжение, но поняла, что и на это не способна. Потерять ночь значило потерять год, но было уже три часа, и оставалось только признать поражение.

Отношения с мужем за эти три года сильно менялись, и она толковала изменения в зависимости от того, в каком настроении возвращалась с острова. Мужчина с двадцатью долларами, воспоминание о котором отравляло ей жизнь, открыл ей глаза на ее брак, поддерживаемый условленным счастьем, ради которого они избегали разногласий вместо того, чтобы взглянуть на них прямо, — так мусор заметают под ковер. Они с мужем были счастливы как никогда. Понимали друг друга без слов, смеялись до упаду над розыгрышами друг друга и ошеломительно, как подростки, занимались любовью. Решающая перемена в жизни дочери состоялась легко и неспешно. Ей устроили небольшую прощальную вечеринку, куда пригласили и джазиста с новой девушкой. Они с Доменико очень своеобразно сымпровизировали на тему фортепианно-саксофонных контрастов Белы Бартока, и все гости подружились с первого взгляда.

Микаэла приняла постриг у Босоногих кармелиток на обычной монастырской мессе. Анна Магдалена с мужем оделись, как на похороны, а вот Микаэла явилась с опозданием на час после очередной бессонной ночи, в материнском уипиле, старых кедах, и в руках держала косметичку, а также подаренный кем-то накануне альбом Вана Моррисона. Падре с загипсованной рукой и землистым лицом, почти подросток, прочел ей жизнерадостную проповедь и дал последний шанс отступить, если она не уверена в своем призвании. Анне Магдалене хотелось бы пустить по дочери прощальную слезу, но в торжественной обстановке не получилось.

После третьей поездки жизнь изменилась. Анне Магдалене стало казаться, что у мужа возникли подозрения относительно ее ночевок на острове. Впервые он спросил, с кем она там виделась. Она могла бы

целиком пересказать ему разговор с Акилесом Коронадо, поскольку мужу было известно о его застарелых порывах, но вовремя прикусила язык, чтобы не давать поводов задуматься о других ночах.

Любовь тоже стала иной. Доменико, прежде лукавый искуситель в постели, теперь бывал рассеян и, казалось, утратил аппетит. Анна Магдалена думала, что виной тому не возраст, а его возможные подозрения. Но потом решила, что вероятнее обратное — это он тайком тратит силы где-то вне дома.

Анна Магдалена давно приспособилась к нему, стала похожей на него, а он постепенно узнал ее так хорошо, что они превратились практически в одного человека. До свадьбы ее предостерегали: жених не подарок. Он отличался дьявольским обаянием и нещадно флиртовал, особенно со своими ученицами, но она не стала слушать сплетен и не дала сомнению пустить корни. После официальной помолвки, однако, не удержалась и попробовала вызнать у него подробности, но он все отрицал. В шутку сказал, что он девственник, и шутка оказалась столь удачной, что Анна Магдалена вышла замуж в полной уверенности, будто так и есть. Ничто не смущало ее душу почти до самого рождения дочери, когда школьная подруга, с которой она не виделась много лет и внезапно столкнулась в общественном туалете, не спросила, как ей удалось увести мужа от предыдущей девушки. Она резко оборвала ее, вычеркнула из жизни и еще больше отдалилась даже от лучших подруг, с которыми, впрочем, никогда не была особо близка.

У нее были все причины доверять мужу. До родов оставалось меньше двух месяцев, но их любовь не становилась ни менее частой, ни менее жаркой. С точки зрения биологии было невозможно, чтобы у него оставалось топливо на другую постель после ублажения разгоряченной беременностью Анны Магдалены. Но слухи не прекращались, и она решила спихнуть всю ответственность на него с помощью убийственной формулы:

— Во всем, что я про тебя узнаю, виноват будешь ты один.

На этом всякое недопонимание закончилось до третьей поездки, после которой Анна Магдалена усмирила собственную совесть, переключив внимание со своих измен на возможные мужнины. Признаки были налицо. Доменико где-то надолго задерживался после ежевечернего закрытия консерватории, дома, ни с кем не поздоровавшись, шел напрямиком в ванную и душился, чтобы скрыть за

знакомыми ароматами любой чужой запах, и слишком подробно рассказывал, где был, что делал и с кем, хотя никто не спрашивал. Как-то вечером, после светского раута, на котором он играл и имел огромный успех, Анна Магдалена решила сделать выпад. Он читал в постели партитуру *Così fan tutte* ^[2]. Она закрыла на последней странице «Ведомство страха», которое начала на острове, погасила свой ночник и молча легла лицом к стенке. Он весело сказал: «Спокойной ночи, сеньора!» Она сообразила, что забыла про обязательный ритуал, и поспешила исправиться. «Ох, дорогой, прости», — отозвалась она и поцеловала его, как всегда целовала перед сном. Он тихо мурлыкал партитуру, чтобы не мешать ей. И вдруг, не поворачиваясь и не поднимаясь, она произнесла: «Хотя бы раз в жизни, Доменико, скажи мне правду». Он знал, что, если она называет его по имени, быть беде, и постарался отвести эту беду нарочитым спокойствием: «О чем ты?» Она, тоже очень спокойно, сказала:

— Сколько раз ты был мне неверен?

— Я всегда оставался тебе верен, — ответил он, — но, если ты хочешь знать, спал ли я с кем-то еще, то много лет назад ты предупреждала меня, что не хочешь этого знать.

Более того: когда они поженились, она сказала, что не будет возражать, если он переспит с другой — при условии, что другая всегда будет разная, на один раз. Но в момент истины она наплевала на эту свою позицию.

— Люди все время что-то подобное говорят, — заметила она, — но не думают, что их поймут буквально.

— Если я скажу «нет», ты наверняка не поверишь, — ответил Доменико, — а если скажу «да», ты этого не вынесешь. Что же нам выбрать?

Она понимала, что мужчина не завернет такую фразу вместо простого «нет», и прямо спросила: «Кто эта счастливица?» Он ответил с обычной непринужденностью: «Она из Нью-Йорка». «Но кто она такая?» — Анна Магдалена повысила голос. «Китаянка». Она почувствовала, что сердце у нее сжалось, как кулак, и раскаялась, что вызвала эту ненужную боль, но все равно захотела узнать подробности. Для него же худшее уже осталось позади, и он рассказал о своей измене с деланным равнодушием.

Это случилось примерно двенадцать лет назад, в Нью-Йорке, в отеле, где они с оркестром останавливались на один уик-энд во время Вагнеровского фестиваля. Китайка была первой скрипкой в Пекинском оркестре, жила на том же этаже. К тому времени, как он замолчал, Анна Магдалена превратилась в кусок живого мяса. Она хотела убить обоих, но не милосердно застрелить, а медленно нарезать на прозрачные ломтики, как режут хамон. Вместо этого она выдохнула через рану еще один вопрос:

— Ты ей заплатил?

Он ответил — нет, она ведь была не проститутка. Но она не отстала: «А если бы была проститутка, сколько бы ты ей заплатил?» Он серьезно задумался, но не нашелся с ответом. «Не прикидывайся дурачком! — сказала она, охрипнув от ярости. — Думаешь, я поверю, что мужчина не знает, сколько стоит отельная шлюха?» Он искренне развел руками: «Ну не знаю я! Тем более китайка». Она окружила его частоколом невыносимой обиды:

— Ладно. Но вот если бы она с тобой хорошо обошлась и ты захотел оставить ей что-то на память, сколько ты положил бы ей в книгу?

— Книгу? — удивился он. — Шлюхи не читают.

— Дай же мне хоть что-то, черт тебя побери! — прошипела она, стараясь не впасть в неистовство. — Сколько бы ты ей оставил, если бы думал, что она шлюха, и не хотел ее будить перед уходом?

— Понятия не имею.

— Двадцать долларов?

Он совсем заплутал в непонятных вопросах. «Не знаю. Может, учитывая стоимость жизни двенадцать лет назад, этого, может, и хватило бы». Она закрыла глаза, постаралась успокоить дыхание, чтобы не доставить ему удовольствия видеть ее в бешенстве, и вдруг спросила: «А какая у нее была — горизонтальная?» Он расхохотался, и она тоже прыснула. Но тут же умолкла и снова зажмурилась, чтобы не дать вытечь слезам.

— Я смеюсь, — сказала она и поднесла руку к груди, — но даже тебе не пожелаю чувствовать того, что я сейчас чувствую. Это сама смерть.

Он попробовал разрядить напряжение, напевая что-то выдуманное. Она приложила все усилия, чтобы уснуть, но не смогла. И наконец

облегчила душу, громко, чтобы он услышал даже во сне.

— Да какая разница? Все мужики одинаковые: дерьмо дерьмом.

Ему пришлось проглотить свою ярость. Он все бы отдал за возможность уничтожить ее смертоносной репликой, но жизнь научила его, что, когда женщина говорит последнее слово, ему суждено остаться последним. Так что больше они об этом не говорили — ни в тот вечер, ни потом.

Следующей ночи шестнадцатого августа предстояло стать судьбоносной. Анна Магдалена застала остров распотрошенным: там проходил международный туристический конгресс, и в отелях не осталось ни единого свободного номера, а все пляжи были заняты палатками и домами на колесах. После двух часов безуспешных поисков ночлега она приехала в свой забытый отель «Сенатор», отремонтированный, чистый и подорожавший, и не нашла там ни одного служащего из прежних.

Здесь ей номер тоже вряд ли достался бы. У стойки respectable вида клиент возмущался, что его дважды подтвержденного бронирования не могут найти в списке. Выглядел он сдержанно, но внушительно, словно какой-нибудь ректор, говорил размеренно и негромко, проявляя при этом удивительный талант ругаться исключительно приличными словами. Единственный служащий за стойкой пытался по телефону раздобыть ему номер в другом отеле. Желая с кем-то разделить свое возмущение, клиент обратился к Анне Магдалене. «Черт знает, что творится на этом острове», — сказал он и показал напечатанное подтверждение бронирования. Без очков ей было не прочесть, но она прекрасно понимала его чувства. Служащий триумфально прервал их: нашелся номер, правда, в двухзвездочном, но чистом и удобно расположенном отеле. Анна Магдалена быстро спросила:

— А для меня там еще одного не найдется?

Служащий справился: больше номеров не было. Клиент левой рукой подхватил чемодан, а правой взял Анну Магдалену за локоть с неожиданной, даже неприятной фамильярностью.

— Поедемте со мной, — сказал он, — а там посмотрим.

На новеньком автомобиле они мчали вдоль лагуны. Клиент, который вел сам, сказал, что любит отель «Сенатор». «Я тоже люблю, из-за лагуны, — сказала Анна Магдалена, — а теперь, вижу, там все переделали». «Два года назад», — ответил он. Она поняла, что он часто бывает на острове, и рассказала, что приезжает каждый год положить букет гладиолусов на могилу матери.

— Гладиолусов? — удивился он, поскольку раньше никогда не встречал этих цветов на острове. — Я думал, они только в Голландии растут.

— Это тюльпаны, — поправила она.

И рассказала, что гладиолусов здесь и вправду раньше не было, но кто-то завез их на остров, и они снискали заслуженную славу по всему побережью и во многих городках в глубине страны. Для нее, сказала Анна Магдалена Бах, они так важны, что если однажды она их не найдет, то наймет человека выращивать их специально.

Накрапывал дождь, но казалось, он скоро закончится. Спутник Анны Магдалены не был в этом уверен: от августовской погоды можно ожидать всякого. Он с головы до ног оглядел ее, одетую совсем просто, для парома, и ему показалось, что на кладбище нужно что-то еще. Вовсе нет, ответила Анна Магдалена, она привыкла так ходить.

Отель стоял на другом конце лагуны, у окраины убогой деревеньки. На поверку это оказался плачевного вида мотель — даже документов не потребовали. Получив ключ, новый знакомый Анны Магдалены сказал, что ему нужно два номера.

— Простите, — не понял портье, — вы разве не вместе?

— Это моя жена, — весело сказал тот, — но мы придерживаемся гигиеничной привычки спать порознь.

Она подыграла:

— Чем дальше друг от друга, тем лучше.

Портье признался, что кровать в номере не очень широкая, но можно поставить дополнительную. Новый знакомый смешался, но она пришла ему на помощь: «Если бы вы слышали, как он храпит, вы бы такого не предлагали». Портье попросил прощения, задумчиво уставился на ключи, висевшие за стойкой, пока Анна Магдалена и ее спутник зубоскалили у него за спиной, и наконец сказал, что может выделить им еще номер, но без вида на лагуну и на другом этаже: один на третьем, один на пятом. На лифте они поднялись без портье, потому

что багажа у обоих было совсем мало, и она вышла на третьем этаже, страшно довольная и благодарная этому мужчине, такому милому и любезному.

Номер был маленький, похожий на каюту, но с кровью, на которой могли бы поместиться трое — видимо, на всем острове такие были в ходу. Она открыла окно, выпустила застоявшийся воздух и только тогда поняла, как скучала по своим августовским цветам, августовской свободе и голубым цаплям на лагуне. Дождь не переставал, но она надеялась, что до шести все же случится передышка и она успеет на кладбище.

Она успела — хоть и потратила больше часа на поиски гладиолусов: в тот день их продавали на одном-единственном лотке у церкви. Такси не смогло доехать до кладбища, потому что склон размыло, но водитель согласился подождать на обочине внизу, пока Анна Магдалена не вернется. Она вдруг осознала, что двадцать пятого ноября ей исполнится пятьдесят, — она боялась этого возраста; ее мать умерла чуть старше. Она стояла, как стояла несколько лет назад, и так же ждала, пока распогодится, и плакала так же, как всякий раз на могиле матери. Ее плач словно утешил небеса. Дождь внезапно прекратился, и она положила цветы на могильную плиту.

Испачкавшаяся и раздраженная, она вернулась в отель в полной уверенности, что очередной год потерян: в такую ночь ей любовь не найти, даже если она станет останавливать машины на прибрежном шоссе, превратившемся от дождя в огромную грязную трясику. Ничего не изменилось. Душ оказался без насадки, вода еле текла, и, намыливаясь под хилой струйкой, она снова заплакала от одиночества, от того, что ни один, даже заваливающий мужчина не достанется ей сегодня. Но сдаваться не стала: она все равно пойдет и узнает, что готовит ей эта ненастная ночь, темная, как волчья пасть. Развесила одежду в шкафу и положила на стол книгу. Это был «Дневник чумного года» Даниэля Дефо, и она собиралась читать, пока не наступит время идти в бар. Но, казалось, в тот вечер ей не суждено было радоваться — все кругом препятствовало. От тщедушной струйки в душе она почувствовала себя еще более жалкой, и вдруг ее накрыло ненавистью к мужу, такой злобной и холодной, что она сама испугалась. Она уже смирилась с печальной участью — спать одной в эту собачью ночь, — как вдруг зазвонил телефон.

— Здравствуйте, — сказал веселый голос, который она мгновенно узнала. — Я ваш друг с четвертого этажа, — и добавил уже другим тоном: — Я все надеялся, что вы позвоните, хотя бы из жалости.

Потом помолчал и спросил:

— Вы разве не получили цветы?

Она не поняла. Хотела переспросить, но наткнулась взглядом на великолепный букет гладиолусов, кое-как брошенный на стуле рядом с туалетным столиком. Новый знакомый объяснил, что увидел букет в отеле, где у него была встреча с клиентами, и решил послать ей для могилы матери. Видимо, букет доставили, пока она была на кладбище, но как она могла не заметить его, когда вернулась? Собеседник вдруг сменил тему и как бы между прочим спросил:

— А где вы сегодня ужинаете?

— Я еще не думала, — сказала она.

— Ничего страшного. Спускайтесь, и подумаем вместе.

Еще одна провальная ночь? — подумала она. Новый Акилес? Ну уж нет. И ответила:

— К сожалению, у меня уже есть планы на вечер.

— Да, и вправду жаль, — сказал он, и по голосу было слышно, что он в самом деле огорчился.

— В следующий раз.

Она прихорошилась перед зеркалом. Прикинула, не пойти ли в то место, где ужинала в тот злополучный вечер с Акилесом Коронадо, но дождь и не думал кончаться, а над лагуной завывал ветер. И вдруг она выкрикнула: «Боже! Какая же я дура!»

Бросилась к телефону и набрала номер мужчины с четвертого этажа с такой скоростью, что позже ей даже стало стыдно.

— Какое везение, что вы еще там! — сказала она без обиняков. — Мои планы только что отменились из-за дождя.

— Это мне повезло, сеньора, — ответил он.

Больше она не сомневалась ни секунды. И не ошиблась: ночь оказалась незабываемой.

По крайней мере, куда менее забываемой, чем Анна Магдалена Бах могла себе представить. Она очень долго приводила себя в порядок, а когда спустилась, он галантно ждал ее у лифта в шелковой рубашке с коротким рукавом, льняных брюках и белых мокасинов. Ее первое впечатление подтвердилось: он был привлекателен, но главное его

достоинство состояло в том, что вел он себя так, будто о своей привлекательности не знал. Он повел ее в ресторан подальше от туристических троп, под высокими миндальными деревьями, увешанными фонариками, и с оркестром, под который лучше было мечтать, чем танцевать. Он излучал уверенность в себе, и встретили его как самого дорогого гостя за всю историю заведения, — впрочем, вел он себя соответственно. В сиянии вечера его манеры стали изящнее. За свежим запахом одеколona безошибочно различался личный аромат, а речь текла вольготно и приятно, но Анна Магдалена немного терялась, потому что, говоря, он явно хотел больше скрыть, чем рассказать.

Ее удивило, что он не разбирается в выпивке: предоставил ей первой выбрать джин любимой марки, а потом заказал первый попавшийся виски и за весь вечер к нему не притронулся. Он не курил, но носил с собой пачку египетских сигарет в золотой бумаге, чтобы угощать знакомых. В искусстве еды тоже был не сведущ и попросил официанта выбрать за них. Но удивительнее всего было то, что при всей ограниченности и промахах он не утрачивал и толики обаяния — даже когда плохо рассказал парочку простецких анекдотов, которые она не поняла и посмеялась только из вежливости.

Когда оркестр заиграл переложенную для танцев мелодию Аарона Копленда, он признался, что не интересуется танцами, поскольку напрочь лишен музыкального слуха, но не побоялся выйти с ней на площадку, когда она его пригласила. Он ни разу не шагнул правильно, но она так ловко и незаметно вела его, что ему казалось, будто это он ведет. К десерту она заскучала и пожалела о собственной слабости, особенно когда на глаза ей попался мужчина, которого она выбрала бы не задумываясь, в то время как ее кавалер не делал ни одного лишнего шага, если не считать танцев. Ей было хорошо, о ней заботились, но у вечера явно не было будущего.

Сразу после десерта они поехали обратно в отель. Он молчал и смотрел чуть вбок, на спящее под фантазмагорической луной море. Она не нарушала молчания. Было десять минут двенадцатого, и даже бар в отеле, наверное, уже закрылся. Ее возмущало, что кавалера даже упрекнуть не в чем, разве только в полном отсутствии попыток ее соблазнить: ни одного комплимента — ни ее сверкающим львиным глазам, ни ее искусной беседе, ни ее музыкальной эрудиции.

Он остановил машину во дворике отеля, в полной тишине поднялся с Анной Магдаленой на лифте и проводил до двери номера. Она никак не могла справиться с ключом, и он забрал ключ у нее из рук, кончиками пальцев толкнул дверь, вошел без приглашения, как к себе домой, и рухнул навзничь на постель, выдохнув:

— Сегодня лучшая ночь в моей жизни!

Анна Магдалена окаменела, не понимая, что делать, пока он молча не протянул ей руку. Она взяла ее и легла рядом, не в силах справиться с ударами сердца. Он поцеловал ее — этот невинный поцелуй потряс ее до глубины души, — а потом продолжал целовать, медленно раздевая поразительно ловкими движениями пальцев, пока оба не соскользнули в бездну счастья.

Проснувшись в зыбком свете едва забрезжившей зари, Анна Магдалена долго не понимала, кто она, где находится и с кем, но потом увидела рядом с собой совершенно голого мужчину, который спал на спине, сложив руки на груди, и дышал, словно младенец в колыбели. Указательным пальцем она осторожно погладила покрытую курчавой порослью обветренную кожу. Тело у него было не молодое, но ухоженное, и лаской он наслаждался с закрытыми глазами и тем самообладанием, которое выказывал вчера вечером, пока любовь не разметала его в пух и прах.

— А теперь серьезно, — вдруг сказал он. — Как тебя зовут?

Она симпровизировала:

— Перпетуа.

— Это несчастная святая, которую затоптала насмерть корова, — мгновенно парировал он.

Она удивилась и спросила, откуда ему это известно.

— Я епископ, — ответил он.

Ее обдало смертным холодом. Она вспомнила весь ужин, его изысканную речь, его невыраженные вкусы, и не нашла ничего, что позволило бы сомневаться в правдивости ответа. Точнее, сейчас с точностью подтвердились все ее тогдашние мысли о нем. Он почувствовал ее замешательство, открыл глаза и с любопытством спросил:

— Что ты имеешь против нас?

— Против кого?

— Против епископов.

Он расхохотался, довольный своим розыгрышем, но тут же осекся, поняв, что это было неуместно, и принялся покрывать ее тело долгими покаянными поцелуями. В качестве, вероятно, епитимьи рассказал ей другую версию своей жизни. Он много где работал и не имел постоянного места жительства, потому что основной доход его составляла торговля морскими страховками одной компании со штаб-квартирой в Кюрасао, а на острове бывал несколько раз в год по долгу службы. Сначала его сила убеждения едва не сломила ее, но потом она все-таки решила, что в третий раз стать счастливой этой ночью уже не успеет.

— У меня паром уйдет, — сказала она.

— Неважно, — ответил он. — Завтра уедем вместе.

Он пообещал ей сказочный день и еще много дней в будущем, ведь ему нужно возвращаться сюда по меньшей мере два раза в год, и всегда можно подгадать под август. Она жадно слушала, всем сердцем этого желая, но нашла в себе силы не казаться такой вертихвосткой, как он, возможно, думал. Вдруг она вспомнила, что и впрямь может опоздать на паром, выскочила из кровати и на прощание быстро поцеловала его. Он поймал ее за руку.

— Так когда же, — настойчиво спросил он, — мы увидимся в следующий раз?

— Никогда, — бросила она и шутливо добавила: — Это не по-божески.

На цыпочках вбежала в ванную и заперлась на щеколду, не слушая обещаний, которыми он сыпал, одеваясь. Включила воду, и тут он постучал, чтобы окончательно попрощаться.

— Я кое-что оставил тебе в книге, — сказал он.

Ее, словно молния, пронзило зловещее предчувствие. Она не отважилась поблагодарить или спросить, что именно он оставил, потому что боялась услышать ответ, но, как только за ним захлопнулась дверь, выскочила из ванной голая и в мыле и бросилась к книге на тумбочке. Какое облегчение! Там оказалась визитка, чтобы при желании найти его. Она не порвала ее, как порвала бы визитку любого другого, а оставила между страниц, пока не найдется место понадежнее.

Стояла обычная для карибского августа среда, море лежало неподвижно, парящие чайки рассекали легкий ветерок. Анна Магдалена Бах придвинула шезлонг к перилам парома и открыла книгу Даниэля Дефо на странице, заложеной визиткой, но не смогла сосредоточиться. В который раз она не нашла ничего интересного в данных вчерашнего мужчины: голландских имени и фамилии, адресе и шестизначном телефоне некоей компании в Кюрасао, оказывающей технические услуги. Перечитала визитку, пытаюсь вообразить призрачного героя ее счастливой ночи в реальной жизни. Со времен первого августовского любовника она взяла за правило не оставлять следов, чреватых подозрениями у нее дома, поэтому порвала визитку на мелкие кусочки и пустила по ласковому к чайкам ветру.

Вернувшись, она многое поняла. Едва переступив порог в пять вечера, подметила, какой чужой чувствует себя среди своих. Дочь привыкла к монастырской жизни, подстроила ее под свой естественный образ существования и за семейным столом появлялась все реже и реже. У сына все время уходило на бесконечно сменявшихся девушек и бесчисленные творческие начинания. Муж, фанатик своей профессии и неисправимый дамский угодник, теперь бывал нечастым гостем в ее постели. Как ни странно, Анна Магдалена постепенно разочаровывалась и в острове, который не подарил ей ни одного надежного мужчины среди всех тех, случайных, кого она успела попробовать недолгими августовскими ночами. Страшилась она, скорее, не возможной измены мужа, а его внезапного озарения: вдруг он поймет, что она делала на острове? О своих поездках она старалась вообще не говорить, чтобы ему не пришло в голову отправиться в

следующем году с ней и чтобы не заронить лишних подозрений: они у мужчин возникают нечасто, зато почти всегда подтверждаются.

Это были простые годы, когда не находилось времени и поводов для предательств и опасений, и она строго вела учет циклам их рутинной любви. Если Анна Магдалена с мужем куда-то выезжали из города, она всегда на всякий случай брала с собой презервативы. Однажды у нее все же кольнуло в сердце, когда он явился в особенно странном виде, и она задумалась не только о возможных изменах в этом году, но и всех прошлых. Она следила за ним, проверяла даже швы карманов и впервые начала обнюхивать перед стиркой его одежду. В мае ей приснился последний любовник, и с тех пор она не находила себе места и не могла дышать от тревоги. Она прокляла тот час, когда порвала его визитку, и чувствовала, что счастье сможет испытать с ним одним, — пусть даже только на острове. Ее состояние было таким очевидным, что муж прямо сказал: «С тобой что-то не так».

От ужаса она перестала спать по ночам, но, казалось, по-прежнему не до конца осознавала, насколько изменилась со времен первых поездок. Ей никогда не приходило в голову, что она может случайно повстречать кого-то из своих сообщников — пока однажды на свадьбе ее кум Акилес Коронадо не напился и не отпустил пару намеков, которые любой присутствующий мог бы разгадать без всякого труда. Некоторое время спустя она обедала с тремя подругами в самом роскошном ресторане города, и вдруг ей показался знакомым один из двух мужчин, негромко, но энергично беседовавших за соседним столиком. Между ними стояла бутылка бренди, два наполненных до середины бокала, и они как будто пребывали в каком-то ином мире, чем все остальные посетители. Тот, что сидел лицом к Анне Магдалене, седой, с романтично закрученными усами, был одет в безупречный костюм из белого льна. Она сразу же подумала, что где-то видела его раньше. Но, сколько ни силилась, не смогла вспомнить — где именно. Она то и дело теряла нить оживленного разговора, пока одной из подруг не стало любопытно, что же так отвлекает Анну Магдалену.

— Вот тот, с турецкими усами, — прошептала она. — Откуда-то я его знаю.

Остальные аккуратно обернулись. «Симпатичный», — безразлично бросила другая подруга, и они продолжали болтать. Но Анне Магдалене было так беспокойно, что она еле уснула вечером, а в три

часа ночи проснулась оттого, что по сердцу будто бежали мурашки. Муж тоже проснулся: она отдышалась и рассказала ему выдуманный ночной кошмар — настоящие, очень жуткие, мучили ее в молодости, когда они только поженились. Она впервые спросила себя, почему не занимается в городе тем же, чем на острове, если здесь в ее распоряжении целый год и уйма ежедневных возможностей. Не меньше пяти ее подруг напропалую изменяли мужьям, пока хватало сил, и все они сохранили свои браки. Но она не могла представить в городе ничего даже близко похожего на головокружительные и легкие островные приключения — и это была не иначе как посмертная уловка матери.

Несколько недель она только и думала, как найти мужчину, который не давал ей покоя. Она возвращалась в ресторан, выбирая время, когда клиентов больше всего, время от времени таскала с собой случайных подруг, чтобы не вызывать подозрений своими одинокими блужданиями, и привыкла с надеждой и страхом ошибочно узнавать в каждом попавшемся мужчине своего. Но встречать его снова даже не потребовалось: в один прекрасный день память сама, без помощи, взорвалась озарением. Это был тот самый мужчина, который оставил ей в книге позорную двадцатидолларовую купюру за ночь любви. И только сейчас она поняла, что на острове у него еще не было мушкетерских усов — потому она и не узнала его при второй встрече. Она стала бывать в ресторане еще чаще и теперь держала наготове двадцатку, чтобы швырнуть ему в лицо, но постепенно перестала понимать, как себя поведет: чем глубже она погружалась в ярость, тем меньше ее ранило горькое воспоминание о нем и прочих несчастьях, случившихся с ней на острове.

К августу она набралась сил, чтобы и дальше оставаться собой. Плавание на пароме, как всегда, длилось целую вечность, остров, о котором она столько мечтала, показался шумнее и беднее, чем в прошлый раз, а такси, везшее ее в прошлогодний отель, чуть не слетело под откос. Номер, где она была счастлива, оказался не занят, и парень за стойкой тут же вспомнил мужчину, с которым она приезжала год назад, но не смог найти его данных в архиве. Она проехала по всем местам, где они были вместе, и везде встречала одиноких, ничем не занятых мужчин, каждый из которых мог бы скрасить ей ночь, но ни один не показался ей достойной заменой тому, по ком она тосковала. Так что

она вселилась в прошлогодний номер и побыстрее, пока не пошел дождь, отправилась на кладбище.

Ее снедала тревога; она шаг за шагом повторила все действия, нужные, чтобы быстро и безболезненно встретиться с матерью. Всегдашняя торговка цветами очень постарела. Она перепутала ее с кем-то другим и отдала великолепный, как всегда, букет гладиолусов с явной неохотой и почти вдвое дороже.

На могиле ее ждал сюрприз: целый холмик из сгнивших под частыми дождями цветов. Она разволновалась, поскольку понятия не имела, кто мог бы их оставить, и без всякой задней мысли спросила у сторожа, а он так же простодушно ответил:

— Тот же сеньор, что и всегда.

Сторож рассказал нечто удивительное: время от времени приезжал совершенно неизвестный ему мужчина и буквально заваливал могилу матери Анны Магдалены Бах великолепными цветами, каких на этом бедняцком кладбище никогда не видали. Цветов было столько и были они такими пышными, что сторож не мог заставить себя выкинуть их, пока в них сохранялась хоть толика природной красоты. Незнакомца он описал как хорошо сохранившегося мужчину лет шестидесяти, с белоснежными волосами, сенаторскими усами и тростью, которую тот превращал в зонт, если его, задумчиво стоявшего над могилой, застигал дождь. Сторож никогда не задавал ему вопросов, никому не рассказывал про потрясающие цветы и потрясающие чаевые, а Анне Магдалене ни разу не заикнулся о нем, поскольку был уверен, что господин с волшебным зонтом — ее родственник.

Она проглотила свою тревогу и тоже оставила сторожу хорошие чаевые, мрачно гадая, а не открылась ли ей только что разгадка частых поездок матери на остров под предлогом какого-то бизнеса, про который никто ничего точно не знал — может, его и вовсе не было.

Анна Магдалена Бах вышла с кладбища другим человеком. Ее так колотило, что шоферу пришлось помочь ей сесть в машину. Только теперь она начинала понимать, зачем ее мать каталась на остров трижды или четырежды в год и почему так твердо заявила о своем желании быть здесь похороненной, когда узнала, что умирает от скверной болезни в неродных краях. Только теперь начинала понимать, почему в последние шесть лет жизни мать рвалась на остров с такой же страстью, как она сама теперь. Она подозревала, что мотивы у них

были одинаковые, и эта аналогия ее поразила. Ей открылась не печальная, а, скорее, бодрящая истина: чудо ее жизни состоит в том, что она продолжает жизнь своей покойной матери.

На Анну Магдалену столько всего навалилось, что она пошла бесцельно бродить по бедным кварталам и неизвестно как оказалась перед шатром странствующего мага, который мог сыграть на саксофоне любую популярную мелодию, если кто-нибудь из публики вспоминал ее в этот момент про себя. Таким трюком Анна Магдалена не соблазнилась, зато решила в шутку спросить, где сейчас мужчина всей ее жизни, и маг ответил четко и неточно разом:

— Не так близко, как тебе хочется, и не так далеко, как тебе кажется.

В отель она вернулась в растрепанном виде и растрепанных чувствах. Открытая терраса ломилась от молодежи, играл молодежный же оркестр, танцевали до упаду, с открытым сердцем, и Анне Магдалене вдруг захотелось разделить радость этого счастливого поколения. Свободных мест не было, но официант узнал ее и быстро приволок ей столик.

Оркестр сменился; новый, более амбициозный, заиграл «Лунный свет» Дебюсси в аранжировке болеро, и красавица-мулатка с любовью это болеро спела. Анна Магдалена растрогалась и заказала джин со льдом и содовой, единственное спиртное, которое позволяла себе в свои пятьдесят.

Ничто не нарушало настроения вечера, кроме пары за соседним столиком: он был молодой и привлекательный, а она, вероятно, старше, но ослепительная и горделивая. Они явно переживали глухую ссору — обменивались ожесточенными упреками, которые тонули в грохоте музыки и не долетали до адресата. В перерывах между композициями они не сговариваясь замолкали, чтобы соседи их не услышали, и с новой силой продолжали ругаться под следующую песню. Эпизод, слишком банальный в этом ничейном мире, не казался Анне Магдалене даже забавным. Но вдруг она насторожилась: женщина с театральной торжественностью вдребезги разбила бокал о стол; ни на кого не глядя, высокомерная и прекрасная, прошла напрямик через танцплощадку — жизнерадостные пары едва успевали увертываться — и скрылась в дверях. Анна Магдалена поняла, что ссоре конец, но тактично отвернулась от мужчины, невозмутимо сидевшего на своем месте.

Амбициозный оркестр успел передохнуть, пока во второй раз играл молодежный, вернулся и завел овеянного ностальгией «Сибоней». Анна Магдалена отдалась на волю музыки и джина. Когда болеро смолкло, она вдруг столкнулась взглядом с покинутым кавалером за соседним столиком. Она не отвела глаз. Он ответил легким кивком, и у нее возникло чувство, будто она заново переживает эпизод далекой юности. Ей стало страшно, как в первый раз, отчего она даже удивилась, но тлеющий джин придал смелости, чтобы довести дело до конца. Он ее опередил.

— Он просто сволочь, — сказал он.

Она не поняла:

— Кто — он?

— Тот, кто бросил вас тут одну.

У нее защемило сердце при мысли, что он видит ее насквозь, и она сказала, насмешливо и прямо:

— Судя по тому, что я сейчас видела, это тебя оставили с носом.

Он сообразил, что Анна Магдалена видела, как ушла его спутница. «У нас всегда так, — сказал он, — но она отходчивая». И добавил: «А вот вам не годится сидеть одной». Она окутала его горьким взглядом:

— В моем возрасте женщины всегда одни.

— Значит, — сказал он каким-то новым голосом, — мне сегодня повезло.

Он поднялся с бокалом и без приглашения пересел к ней за столик, а ей было так грустно и одиноко, что она не стала возражать. Он заказал для нее ее любимого джина, и на миг она забыла о своих горестях и стала такой же, как в прочие ночи ее одиночества. Снова прокляла себя за то, что порвала визитку своего последнего мужчины, и поняла, что без него ей сегодня счастливой не стать, даже на час. Так что танцевать она вышла совершенно безразлично, но покинутый кавалер оказался превосходным партнером, и настроение у нее поднялось.

После пары вальсов они вернулись за столик, и она вдруг поняла, что не видит ключа от номера. Пошарила в сумочке, посмотрела под столом — ничего. Жестом иллюзиониста он выхватил ключ из своего кармана и выкрикнул, словно крупье:

— Счастливый номер! Триста тридцать три!

За соседними столиками обернулись. Она не оценила пошлого розыгрыша и сурово протянула руку. Он, поняв свою оплошность, отдал ключ. Она молча встала из-за стола.

— Позвольте мне хотя бы проводить вас! — взмолился он. — Никто не должен оставаться один в такую ночь.

Он вскочил на ноги, намереваясь то ли попрощаться, то ли бежать за ней. Скорее всего, он и сам не знал, а вот она, казалось, догадалась о его намерениях. «Не утруждайся». Он сник.

— И не переживай, — добавила она. — Мой сын тоже так шутил лет в семь.

Удалилась она решительно, но еще у лифта начала задумываться, уж не прогнала ли от себя счастье, хотя сегодня ночью нуждалась в нем как никогда. Уснула с включенным светом, споря сама с собой, остаться в номере или вернуться в бар и снова взглянуть в лицо судьбе. Ей снился обычный кошмар, являвшийся в черные дни, и тут в дверь воровато постучали. Свет горел, она лежала поперек кровати, на животе, одетая, и кусала мокрую от слез подушку, чтобы только не отозваться на стук, кусала, пока стучавший не ушел. Тогда она устроилась поудобнее и, по-прежнему не раздеваясь и не выключая света, провалилась обратно в сон, плача от ярости: она сердилась на себя — за то, что на беду родилась женщиной в мире мужчин.

Четыре часа спустя ее разбудили звонком со стойки, чтобы она не опоздала на утренний паром. Она собралась мгновенно, чего никогда не получалось после роковых ночей на острове, но битых два часа прождала кладбищенского сторожа, у которого хотела узнать, какие процедуры потребуются для эксгумации останков ее матери. Только разобравшись с этим делом, уже после полудня, она позвонила мужу и соврала, что проспала, но вечером точно приедет.

Сторож и специально нанятый могильщик вырыли гроб и без сантиментов вскрыли его, словно фокусники. И внутри Анна Магдалена, будто в высоком зеркале, увидела себя, с ледяной улыбкой и руками, сложенными на груди. Увидела себя, точно такую же и в том же возрасте, как тогда, в фате и венке, в которых выходила замуж, с тем же обручальным кольцом и в диадеме из красных изумрудов, в полном соответствии с распоряжениями матери на смертном одре. Она не только увидела мать такой, как при жизни, во всей ее безутешной печали, но и почувствовала, что та тоже смотрела на нее изнутри

смерти, любила ее и плакала по ней, пока ее тело окончательно не рассыпалось в прах и не остались одни изъеденные кости, которые работники кладбища обмахнули метлой и немилосердно сгребли в мешок.

Через два часа Анна Магдалена Бах бросила последний, полный жалости взгляд на свое прошлое и навсегда распрощалась со своими незнакомцами на одну ночь, а также долгими часами сомнений, собственноручно рассыпанных ею по всему острову. Море лежало в лучах вечернего солнца золотой заводью. В шесть часов она вошла в дом, волоча за собой мешок с костями. «Это то, что осталось от моей матери», — сказала она изумленному мужу и добавила:

— Не пугайся. Она понимает. Я даже думаю, она понимала уже тогда. Когда решила, чтобы ее похоронили на острове. **Конец**

Габриэль Гарсиа Маркес

От издателя

21 марта 1999 года читатели Габриэля Гарсиа Маркеса узнали прекрасную новость: колумбийский нобелиат работает над романом из пяти самостоятельных частей, объединенных персонажем по имени Анна Магдалена Бах. Журналистка Роса Мора опубликовала в испанской газете *El País* соответствующую статью, к которой прилагалась первая часть романа — «Увидимся в августе». Гарсиа Маркес прочел ее несколькими днями ранее в мадридском культурном центре «Дом Америки», где вместе с еще одним лауреатом Нобелевской премии, Жозе Сарамого, принимал участие в форуме, посвященном ибероамериканской литературе. Вместо того чтобы произнести речь, он изумил публику: поделился первым вариантом первой главы того текста, который вы сейчас держите в руках. Роса Мора указывала в статье: «“Увидимся в августе” станет частью книги, включающей еще три новеллы общей протяженностью в сто пятьдесят страниц и, возможно, четвертую новеллу, поскольку автор признался, что недавно у него появилась интересная идея на этот счет. Объединяющая тема книги — истории любви немолодых людей».

Через несколько лет судьба свела меня с Габриэлем Гарсиа Маркесом, одним из моих любимых писателей с юности. Любовь к его творчеству — а также к книгам Рульфо, Борхеса и Кортасара — подвигла меня пересечь Атлантику и поступить в аспирантуру Техасского университета в Остине по специальности «латиноамериканская литература». В августе 2001 года, когда я уже вернулся в Барселону и работал редактором в издательском доме *Random House Mondadori*, мне позвонила Кармен Бальсельс и назначила встречу у себя в агентстве, непривычно пустынном в эти

летние дни. Она хотела познакомить меня (по телефону) с Гарсиа Маркесом, которому требовался дежурный редактор — он тогда писал книгу воспоминаний. Его всегдашний редактор, мой дорогой друг Клаудио Лопес де Ламадрид, был в отпуске. Вот так я начал работать с ним «бок о бок» над финальной версией книги «Жить, чтобы рассказывать о жизни»: он маленькими порциями по электронной почте или факсу присылал мне рукопись, а я возвращал ему с комментариями — в основном они касались проверки фактических данных. Он был особенно признателен мне за следующее замечание: «Превращение» Кафки, перевернувшее его повествовательную вселенную, на самом деле перевел не Борхес, хотя именно так значилось на обложке его аргентинского издания. Гарсиа Маркес находился в Лос-Анджелесе, где проходил реабилитацию после болезни, но даже на расстоянии мне удалось стать очевидцем его письма, походившего на столярную работу: я видел, как он переделывал главу, посвященную восстанию «Боготасо», и как блестяще, всего одной буквой, изменил заглавие, чтобы избежать конфликта с другим автором. По чистой случайности я познакомился с ним и Мерседес Барчей лично в одном барселонском ресторане, но отношения «автор — редактор» мы возобновили только в 2008 году.

В мае 2003 года, после долгого пребывания в Лос-Анджелесе, Габриэль Гарсиа Маркес и Мерседес Барча возвращаются в Мехико, где их встречает только что нанятая на работу Моника Алонсо, новый личный секретарь. Ее свидетельство крайне важно для восстановления хронологии создания «Увидимся в августе». По воспоминаниям Моника, 9 июня 2002 года писатель закончил вычитывать корректуру книги воспоминаний, причем помогал ему редактор Антонио Боливар. Не успели они убрать со стола рукописи фрагментов и заметки к готовой книге, как пришло известие о смерти матери Гарсиа Маркеса. Этим загадочным совпадением завершился круг, открытый первой фразой мемуаров: «Моя мать попросила, чтобы я поехал с ней продавать дом». Таким образом, Гарсиа Маркес не работал ни над каким крупным проектом, когда Моника, разбирая ящики письменного стола в его кабинете, обнаружила папку с двумя рукописями: «Она» и «Увидимся в августе». Над первой из них Гарсиа Маркес непрерывно трудится с августа 2002-го по июль 2003 года и меняет заглавие на «Вспоминая моих несчастных шлюшек» при публикации в 2004 году.

Это последнее художественное произведение автора, изданное при жизни отдельной книгой.

Однако публикация в мае 2003 года фрагмента из «Увидимся в августе» выглядела как публичное заявление: Гарсиа Маркес работает над последним своим художественным проектом. Третья глава предполагаемого романа, «Ночь затмения», вышла в колумбийском журнале *Cambio* 19 мая, а через несколько дней — и в *El País*. С июля того же года, по воспоминаниям Моники Алонсо, писатель возобновил интенсивную работу над рукописью. К концу 2004 года у него накопилось пять вариантов текста, не считая ранних черновиков и одной версии, начатой еще в Лос-Анджелесе. Все эти рукописи сегодня хранятся в архиве Гарсиа Маркеса в Центре Гарри Рэнсома (Техасский университет в Остине).

Закончив пятый вариант, Гарсиа Маркес прекратил работу над текстом и послал экземпляр своему агенту Кармен Бальсельс. «Иногда книге нужно дать отлежаться», — сказал он Моники Алонсо. Надвигалась важная дата, сорокалетие романа «Сто лет одиночества», готовилось к выходу издание, выверенное Королевской академией испанского языка, и это отнимало все время писателя. 26 марта 2007 года он выступил на торжественном открытии конгресса в Картахене — это было одно из его последних появлений на публике.

В марте 2008 года, когда я уже жил в Мехико и работал главным редактором в *Random House Mondadori*, Кармен Бальсельс поручила мне помочь Гарсиа Маркесу подготовить книгу с текстами его публичных выступлений — два года спустя она вышла под названием «Я здесь не для того, чтобы говорить речи». Я приезжал к нему по меньшей мере раз в месяц, и мы подолгу беседовали о книгах, авторах и темах, затронутых в этом сборнике.

Летом 2010 года в Барселоне Кармен Бальсельс сообщила мне, что у Гарсиа Маркеса есть неизданный роман, к которому он никак не может написать финал, и попросила меня поговорить с ним и по возможности воодушевить на концовку. Она упомянула, что это история замужней женщины, которая приезжает на остров, где похоронена ее мать, и там встречает любовь всей своей жизни. Вернувшись в Мехико, я первым делом пошел к Габо, спросил про роман и передал слова агента. Габо посмеялся и поправил: героиня находит не любовь всей своей жизни, а нового любовника в каждый

приезд на остров. И, желая доказать мне, что финал у него есть, он попросил Монику достать последний вариант (он всегда хранил рукописи в немецких папках *Leuchtturm*) и прочитал мне последний абзац, блестяще завершающий историю. Обычно он не любил делиться тем, над чем работал, но через три месяца разрешил мне прочесть три главы вслух, пока сам сидел рядом. Я помню, какое впечатление произвело на меня безупречное владение оригинальной темой, которой он раньше не касался. И помню, как мне захотелось, чтобы остальные тоже смогли это прочесть.

Память уже не позволяла ему собрать все кусочки и все исправления в единую версию, но так или иначе, редактируя, он мог проводить время за любимым занятием: где-то подобрать прилагательное, где-то изменить маленькую деталь. Пятая версия, от 5 июля 2004 года, на первой странице которой он написал: «Большой финал ОК. Данные о ней ГЛ.2. Внимание: возможно гл. Финал / Лучший?», очевидно, нравилась ему больше остальных, и именно в нее при помощи Моники он внес изменения, касавшиеся предыдущих версий. Одновременно Моника собирала цифровую версию с альтернативными фрагментами и эпизодами. Эти два документа легли в основу настоящего издания.

Отношения между автором и редактором — договор о доверии и уважении. Мне посчастливилось работать с Габриэлем Гарсиа Маркесом, и это было непрерывное упражнение в смирении, причем я исходил из того, что он сам сказал, когда Кармен Бальсельс передала мне трубку при нашей первой беседе: «Я хочу, чтобы ты критиковал меня как можно больше, потому что, поставив последнюю точку, к книге я больше не вернусь». В отношении настоящего издания я действовал как реставратор перед холстом великого мастера. Исходя из цифрового документа, сохраненного Моникой Алонсо, и противопоставляя его пятой версии, которую автор считал окончательной, я рассмотрел каждую его рукописную или продиктованную Монике пометку, каждое измененное или убранный слово, иногда фразу, каждый альтернативный вариант на полях, чтобы решить, включать их в текст для публикации или нет. Работа редактора, по моему глубокому убеждению, состоит не в том, чтобы изменить текст, а в том, чтобы сделать текст сильнее уже имеющимися на странице средствами. Это включает проверку и исправление

фактических данных, от имен упоминаемых музыкантов или писателей до соответствия возраста героини хронологии повествования.

Я надеюсь, что читатели «Увидимся в августе» почувствуют то же уважение и удивление, которые десятки раз чувствовал я, читая этот текст и чувствуя, что Габо сидит рядом, как на фотографии, которую сделала Моника Алонсо, когда мы работали над книгой речей.

Я благодарю Родриго и Гонсало Гарсиа Барча за то, решили положиться на меня, позвонили однажды в августе и сказали, что приняли решение опубликовать «Увидимся в августе» и назначить меня редактором. Груз ответственности оказался тяжелым, но их воодушевление и доверие на протяжении всего процесса стали лучшей наградой за всю мою редакторскую карьеру. Воспоминание о Мерседес Барче, которая некогда распахнула передо мной двери своего дома — а не только рабочего кабинета мужа, — не покидало меня. Нравственные принципы Моника Алонсо, ее преданность писателю помогли тексту попасть в наши руки, и я благодарю ее за то, что уделила мне время и восстановила историю написания. Все мы также в долгу у команды Центра Гарри Рэнсома при Техасском университете в Остине, где хранится архив Гарсиа Маркеса. Эти люди привели в цифровой формат все рукописи текста, без чего настоящее издание не состоялось бы. Вот их имена: Стивен Энисс, Джим Кун, Виви Беренс, Кассандра Чен, Элизабет Гарвер и Алехандра Мартинес. Выдающемуся редактору и дорогому другу Гэри Фискетьюну я благодарен за беседу, которая вывела меня из профессионального ступора. Его опыт указал мне правильный путь. Еще один мой (и наш общий) проводник — главный редактор Сонни Мехта, по которому мы скучаем и который, я знаю, был бы счастлив опубликовать эту книгу. Отдельное спасибо моей жене Элизабет и нашим детям Николасу и Валери за то, что поддерживали меня, пока я надолго заперся с книгой в мансарде. И, наконец, моя самая большая благодарность — Габо за его доброту, простоту и тепло, которыми он встречал всякого, кто приближался к нему, как к богу, а он, как истинный человек, отвечал всем улыбкой. Память о нем была мне лучшим стимулом за все месяцы работы.

*Кристоваль Пера
Февраль 2023 года*

Приложение

Страницы чернового варианта с пометками автора

Version S

Parte N

CAP 4-79

14:

S Julio, 0

fj

98

Cron de final

Jds

Gabriel García Márquez

ojo: probable cap final

u:
CAP 2

En agosto
nos vemos

*resel
mayor?*

~~CAP FORTA~~

↓ ?³

vísperas de la tercera edad. Se estiró las mejillas hacia atrás con los cantos de las manos para acordarse de cómo había sido ~~de~~ joven. Pasó por alto las arrugas del cuello, que no tenían remedio, y se revisó los dientes perfectos y recién cepillados después del almuerzo en el transbordador. Se frotó con el pomo del desodorante las axilas bien afeitadas y se puso la camisa de algodón fresco con las iniciales AMB ~~hombros~~ bordadas ~~a mano~~ en el bolsillo. Se cepilló el cabello indio, largo hasta los hombros, y se amarró la cola ~~de caballo~~ con la panoleta de pájaros. Para terminar se suavizó los labios con el lápiz labial de vaselina simple, se humedeció los índices en la lengua para alisarse las cejas encontradas, se dio un toque de *Maderas de Oriente* detrás de cada oreja, y se enfrentó por fin ~~al~~ espejo ~~con su rostro~~ de madre otoñal. La piel sin un rastro de cosméticos tenía el color y la textura de la melaza, y los ojos de topacio eran hermosos con oscuros párpados portugueses. Se trituró a fondo, se juzgó sin piedad, y se encontró casi tan bien como se sentía. Sólo cuando se puso el anillo y el reloj se dio cuenta de su retraso: ~~eran las seis~~ faltaban seis para las cuatro. ^P Pero se concedió un minuto de nostalgia para contemplar las garzas que planeaban inmóviles en el vapor ardiente de la laguna. Los ~~nubarrones~~ negros del lado del

7

x

~~hombros~~

2

OK

con el
~~lápiz~~sus
-sus

← OK

SOPOR

10

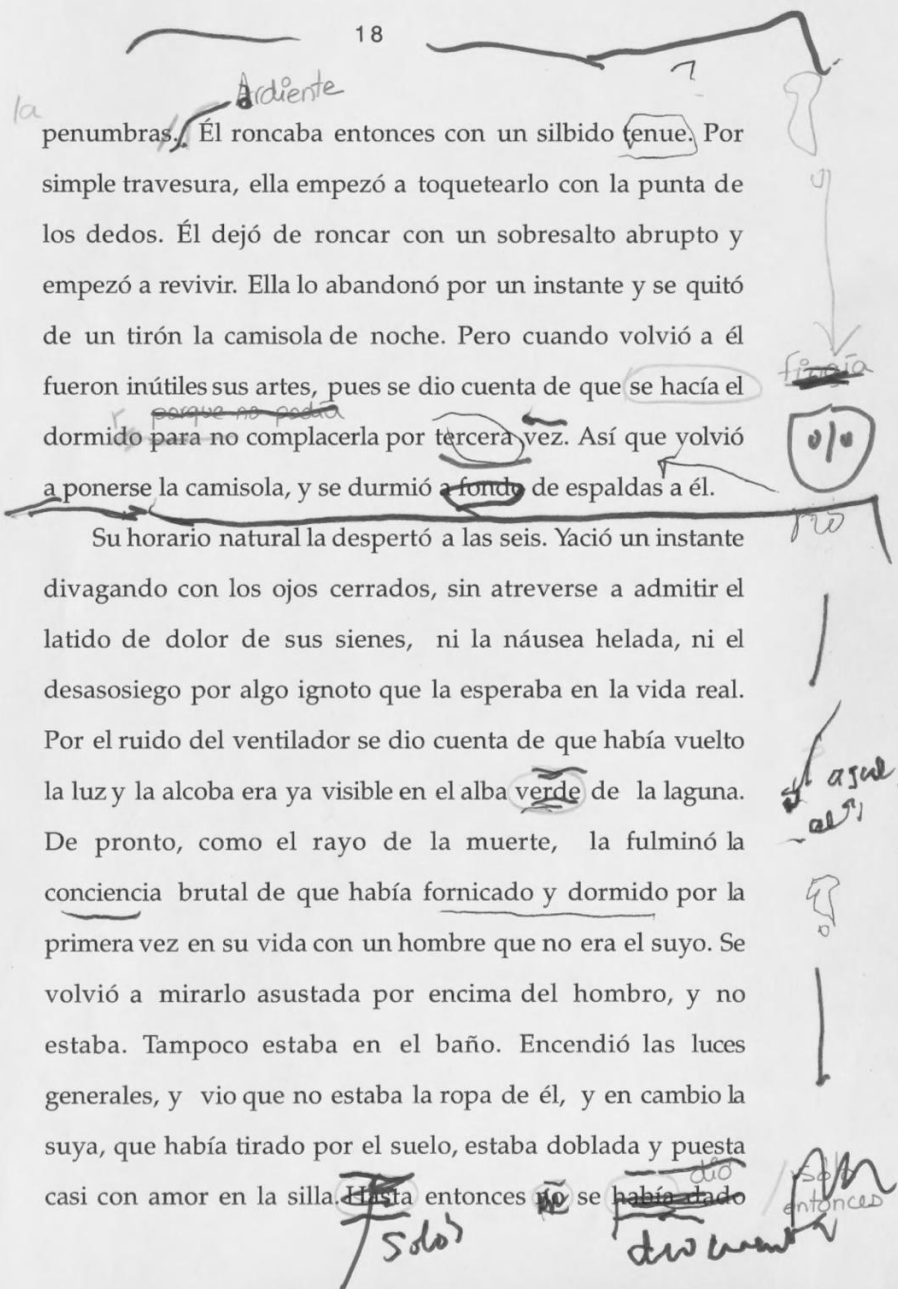
mayores de cuando el hotel era el único. Una niña mulata cantaba boleros de moda ^{En sus} y el mismo Agustín Romero, ya viejo y ciego, la acompañaba bien en el mismo piano de media cola de la fiesta inaugural.

Terminó de prisa, tratando de sobreponerse a la humillación de comer sola, pero se sintió bien con la música, que era suave y sedante, y la niña sabía cantar. Cuando terminó sólo quedaban tres parejas en mesas dispersas, y justo frente a ella ^{decrépito} un hombre distinto que no había visto entrar. Vestía de lino blanco, con el cabello metálico y el bigote romántico [?] terminado en puntas. Tenía en la mesa una botella de brandy y una copa a la mitad, y parecía estar solo en el mundo.

El piano inició el Claro de Luna de Debussy en un aventurado arreglo [?] para bolero, y la niña mulata la cantó con amor. Conmovida, Ana Magdalena pidió una ginebra con hielo y soda, el único alcohol que se permitía y sobrellevaba bien. ¹⁸ ~~Había aprendido a disfrutarla con su esposo, un alegre bebedor social que la trataba con la cortesía y la complicidad de un amante escondido. El mundo cambió desde el primer sorbo. Se sintió bien, pícara, alegre, capaz de todo y embellecida por la mezcla sagrada de la música con la ginebra.~~

la penumbras. ^{Ardiente} Él roncaba entonces con un silbido tenue. Por simple travesura, ella empezó a toquetearlo con la punta de los dedos. Él dejó de roncar con un sobresalto abrupto y empezó a revivir. Ella lo abandonó por un instante y se quitó de un tirón la camisola de noche. Pero cuando volvió a él fueron inútiles sus artes, pues se dio cuenta de que se hacía el dormido ^{porque no podía} para no complacerla por tercera vez. Así que volvió a ponerse la camisola, y se durmió a fondo de espaldas a él.

Su horario natural la despertó a las seis. Yació un instante divagando con los ojos cerrados, sin atreverse a admitir el latido de dolor de sus sienes, ni la náusea helada, ni el desasosiego por algo ignoto que la esperaba en la vida real. Por el ruido del ventilador se dio cuenta de que había vuelto la luz y la alcoba era ya visible en el alba verde de la laguna. De pronto, como el rayo de la muerte, la fulminó la conciencia brutal de que había fornicado y dormido por la primera vez en su vida con un hombre que no era el suyo. Se volvió a mirarlo asustada por encima del hombro, y no estaba. Tampoco estaba en el baño. Encendió las luces generales, y vio que no estaba la ropa de él, y en cambio la suya, que había tirado por el suelo, estaba doblada y puesta casi con amor en la silla. ~~Hasta~~ entonces ^{no} se ~~había~~ ^{dio} dado

~~Hasta~~ ^{Solo}

~~había~~ ^{no se había dado}

~~se~~ ^{entonces}

УДК 821.134.2-32(861)
ББК 84(7Кол)-44
Г20
Серия "Neoclassic проза"
Gabriel Garcia Marquez

En agosto nos vemos
Перевод с испанского Д. Сеницыной
Серийное оформление и дизайн обложки В. Половцева
Печатается с разрешения литературного агентства

AGENCIA LITERARIA CARMEN BALCELLS, S.A.
Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20 Увидимся в августе / Габриэль Гарсиа Маркес; [перевод с испанского Д. Сеницыной]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 160 с. — (Neoclassic проза). ISBN 978-5-17-161911-4

Стройная красивая брюнетка снимает номер в захудалой островной гостинице с видом на томную голубую лагуну. Днем она посещает могилу матери на вершине холма, а ближе к ночи развлекается в гостиничном баре под звуки сальсы и болеро. Она давно и счастливо замужем, но каждый год в один из дней августа переправляется на пароме на далекий остров, чтобы провести жаркую ночь со случайным любовником.

Головокружительный, радостно-чувственный роман «Увидимся в августе» — нежданный подарок от одного из величайших писателей, которых когда-либо знал мир.

© Heirs of Gabriel García Márquez, 2024

Editor's Note copyright © Cristóbal Pera, 2024

Preface copyright © Rodrigo and Gonzalo García Barcha, 2024

Photographic reproductions from the original manuscript courtesy of the Harry Ransom Center, The University of Texas at Austin

© Перевод. Д. Сеницына, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Литературно-художественное издание
Гарсиа Маркес Габриэль
УВИДИМСЯ В АВГУСТЕ
Ответственный редактор Г. Веснина

Технический редактор О. Серкина

Компьютерная верстка Е. Акуловой

Корректоры Д. Шитт, В. Соловьева
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): 58.11.1 — книги, брошюры печатные
Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2024 г.
Подписано в печать 16.01.2024.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1,
комната 705, пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru.

Интернет-магазин: www.book24.ru. E-mail: ask@ast.ru.

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме,
пом. 1, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru; E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында

наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы

қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,

факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz

Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2024

Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

notes

Примечания

1

В следующий раз покупайте «Лютетские» (англ.).

2

Итал. «Так поступают все женщины» (опера Моцарта).